

Запретный Мир

Автор:

Артем Каменистый

Запретный Мир

Артем Каменистый

Запретный Мир #1

К чему высокоразвитой цивилизации снаряды для пращей и баллист? Какую тайну скрывают тяжелые камни и невзрачные травы Запретного Мира? И почему могучая Империя Звездного Содружества не может добывать их самостоятельно? Похищенные земляне вынуждены раскрывать загадки самой странной планеты Галактики, ведь от этого зависит их жизнь. Но все они лишь пешки в затянувшейся игре, смысл которой проложить дорогу для одного-единственного человека. Дорогу в Сердце Мира...

Артем Каменистый

Запретный Мир

Пролог

Объем комнаты был невелик, никто не станет устраивать пышные хоромы на всеми забытой наблюдательной станции. Здесь, на окраине галактики, имперский образ жизни был доведен до полного аскетизма. Голые стены небрежно обработаны кремниевым полимером, им же залит пол. Несколько светильников, два стула. Мечта аскета. Такор Зеракодин очень слабо разбирался в инженерии оборонных систем периметра, но даже его скудных познаний

хватило, чтобы понять – на строительстве здорово сэкономили. Наверняка без лишних изысков скинули на поверхность этого мертвого спутника штурмовой монтажный комплекс, тот шустро выжег несколько километров коридоров и помещений, поднял башню Главного Поста. Теперь Наблюдатели вполне могли нести здесь героическую службу многие годы. Платили неплохо, да и работа (или, скорее, ее полное отсутствие) довольно почетная. Вахты короткие, оборудование не знает отказов и ремонта. Сотрудники славятся патологической ленью, что послужило поводом к созданию массы анекдотических историй об их героических буднях. Удел бездельников и неудачников, почти полная благодать. Правда, имеется элемент риска: в любой момент может произойти то, ради чего и поставлена тщательно замаскированная башня Главного Поста. И вот тогда сотрудники станции выполнят свою настоящую работу. Их труд займет несколько мгновений, если очень повезет – минут. Затем станция со всеми обитателями превратится в светящееся облако ионизированного газа, так что почет профессии создавал лишь ореол героической смерти, грозившей каждому Наблюдателю.

Тактическая планетарная модель занимала две трети помещения. Такор в свое время немало насмотрелся на подобные пособия, но это его здорово удивило. Необычная вещь на необычной станции. Создание модели такого класса требовало кропотливой работы всего местного персонала в течение нескольких месяцев, а то и лет. Заставить трудиться над ней одного Наблюдателя – уже подвиг, но тут явно приложился не один. Такор повернулся к Мессету:

– Кем создана эта модель?

– Мне пришлось привлечь часть ресурсов Главного Наблюдателя. Работали все сотрудники станции.

– Участвовали все? Это достойно внесения в хроники Империи. До вас Наблюдатели Окраин дружно участвовали лишь в гомосексуальных интригах.

– У нас необычная станция, – осторожно заметил Мессет.

– Иначе меня здесь бы не было. Почему систему внесли в четвертый список?

– Явные следы Древних.

- Насколько явные? - заинтересовался Такор.

- Их оружием уничтожена пятая планета Каутэтора-13. Что они применили - неизвестно, но обнаружено много обломков со следами кристаллических изменений, характерных для многих разрушенных миров. Третья планета населена хлоками, одной из рас ветви эро. Экспансия этой ветви по многим мирам Галактики, согласно современным представлениям, является результатом древнейшей колонизации. После разведки этих двух фактов с лихвой хватило для внесения мира в четвертый список. Мои собственные наблюдения за годы работы позволили собрать ряд дополнительных фактов, которые могут отнести Каутэтор-13 даже к пятому классу, если не выше. Хочу заметить, что хлоки - одна из рас Запретного Мира.

- Они же представляют добрую четверть совета, - заметил Такор и поинтересовался: - Местные аборигены знают о нас?

- Трудно сказать. Сотрудники станции часто посещали их планету, раньше от скуки, сейчас для сбора фактического материала. Нас, разумеется, замечали, но эти гуманоиды неспособны адекватно отличать реальность от фантазии, и на общественном уровне у них царит неразбериха мнений. Мы, в меру своих возможностей, проводим анализ их источников общественной информации по данному вопросу. Часть общества вообще считает себя единственным разумом во Вселенной, другие утверждают обратное, третьи считают, что их внимательно изучают с разными целями - от гастрономического интереса до бескорыстных просветительных мотивов.

Такор указал на модель:

- Судя по тому, что я вижу, у них достаточно развитая индустриальная цивилизация. Смогут ли местные аборигены выжить в условиях Запретного Мира?

- Не все так просто. Здешняя дикость приняла более цивилизованные формы, и только. Кроме того, их общество очень неоднородно. Взгляните сюда.

Проследив за указкой, Такор увидел масштабные изменения фрагмента модели, и на вынесенной развертке показалась поляна в тропическом лесу. Несколько примитивных хижин, низкие гуманоиды с темной кожей, грязные настолько, что

Такору померещился запах немытого тела.

- Как видите, они далеки от индустриализации, - заметил Мессет.

- И много здесь таких?

- Да, но ставку лучше делать на более цивилизованных особей. Психика диких аборигенов может пострадать при резкой смене условий, да и общение с ними затруднено. Цивилизованные хлоки в этом плане предпочтительнее. Конечно, неизбежны большие потери материала, но наши ресурсы их с лихвой окупят.

- И как вы думаете осуществить перенос?

- Здесь не надо придумывать ничего нового. У Империи есть готовая схема - Октаэдр Запретного Мира. Необходимо шесть порталных станций гораздо меньшей мощности, без периметра безопасности это обойдется не так дорого, а без него здесь можно обойтись.

- Не дорого? - Такор покачал головой. - Боюсь, это не совсем так.

- Понимаю, но я имею в виду только то, что это сооружение будет классом ниже Октаэдра. Кроме того, затраты несопоставимы с прибылью, мягко говоря.

- Неизвестно, получим ли мы прибыль вообще. В любом случае Совет будет против этого, а Семья не пойдет на открытый конфликт из-за гипотетической прибыли. Но я не говорю вам нет.

- Что же вы тогда говорите?

- Я посоветуюсь с Семьей, возможно, мы найдем приемлемый вариант. Если Семья ответит нет, вы можете поискать помощь в других местах. Ваш проект очень интересен, со времен Второй попытки не было разработок подобного масштаба. Десанты автоматов не в счет, это сушая мелочь.

- Я ценю вашу личную поддержку и хочу предложить запасной вариант, на случай, если Семья не примет полный. Для эксперимента можно переправить в Запретный Мир незначительное количество местных гуманоидов. Если они

адаптируются и мы получим прибыль, можно будет думать о более масштабном проекте.

– Это удачная мысль. При таком развитии событий даже маленький успех позволит нам игнорировать Совет. Но успех нужен обязательно, другой попытки вам не дадут.

– Я понимаю. Постараюсь отобрать среди цивилизованных хлоков наиболее приспособленных. Мне потребуется несколько легких кораблей и автономная порталная станция малой мощности. Для расчета транспортировки хватит части мощности Главного Наблюдателя.

– А обратная связь?

– По моим данным, в одном из районов Запретного Мира со времен Второй попытки уцелела часть транспортной сети. Надо только подключить ее к Октаэдру. Пожалуй, это под силу лишь вашей Семье.

Такор согласно кивнул и, отвернувшись от модели, заявил:

– Вы не разменивайтесь на мелочи. Если вам интересно мое мнение – я целиком за ваш проект. Руководитель, сумевший заставить работать два десятка Наблюдателей, достоин всяческой поддержки... – и чуть тише добавил: – Как исчезающий вид.

Часть первая

Устройство связи

Глава 1

– Слышь, Робин Гуд, время не скажешь, мои совсем стали. – Бородатый егерь с досадой постучал по циферблату старых командирских часов.

Имени этого парня он не знал, но справедливо полагал, что на кличку тот не обидится. Так и было. Глупо обижаться, если тебя действительно зовут Робин и на охоту ты явился с мощным углепластиковым луком вместо ружья. Фамилия не Гуд, а Игнатов, но в свете вышесказанного это несущественно. Редким для России именем Робин был обязан отцу. Горячая южная кровь наполовину украинца, наполовину татарина не могла согласиться с предложенным женой рядовым имечком Игорь. Как так? Старший сын – надежда и опора отца – и вдруг Игорь? Только через мой труп. Супруга не решилась на столь радикальные меры, и папаня призадумался. Одно дело – настоять на своем мнении, другое – а как же действительно назвать наследника славного рода? За вдохновением счастливый отец обратился к телевизору. Просмотрев программу новостей, он подобрал несколько неплохих вариантов, из которых ему, как большому оригиналу, более всего приглянулся Рабиндранад. Мама почему-то не очень обрадовалась столь чудному имени, возник нешуточный конфликт. Поняв, что жена стоит крепче Брестской крепости, отец все же согласился с более упрощенным вариантом. Так на свет явился Робин Файзуллин. Спустя несколько лет родители расстались, ребенку досталась фамилия отчима. Примерно на этот же период пришелся показ по советскому телевидению многосерийного блокбастера о трудной жизни организованной преступной группы вольных стрелков и их главаря Робин Гуда. Детвору от экранов было не оторвать бульдозером, в промежутке между сериями мастерились деревянные мечи и луки, устраивались баталии. Тезке атамана завидовали черной завистью, периодически били. Отчим, мужик строгий, но справедливый, поймав пасынка с разбитым носом, поинтересовался:

– Кто?

Робин сурово засопел, собираясь играть в пленного партизана до последнего. Стукачей он не любил, но и отчима побаивался. Поколотил его гроза двора – Стас-Груша. Природа щедро наградила хулигана мощными телесами и высоким ростом, но существенно сэкономила на всем остальном, так что Стасу приходилось учиться по два года там, где остальные вполне справлялись за один. Этот факт его здорово раздражал, а свое раздражение он срывал весьма незамысловато – лупил тех, чьи познания выходили за рамки таблицы умножения. Что примечательно, как правило, такие детишки не страдали от избытка силы и представляли собой легкую мишень для грозы двора. Робину доставалось чаще других – из-за успехов в школе и независимости характера.

Поглядев на скорбно-мученическую физиономию пасынка, отчим вздохнул:

- Можно хотя бы узнать за что?

- Ста... То есть они сказали, что я хуже всех стреляю из лука и позорю свое имя.

Отчим привел Робина в секцию стрельбы из лука. Тренер одобрительно осмотрел фигуру нового ученика. Из наследия отца его заинтересовали длинные руки, а по немалому носу он щелкнул пальцем:

- Придется подрезать, а то тетиву будет задевать. Зовут-то тебя как?

- Робин.

Тренер оживился:

- Гуд?

Кличка осталась на всю жизнь. Ради справедливости следует заметить, что тезку своего он больше не позорил, успехов в спорте добился немалых, а в тринадцать лет его перестал колотить Груша - после того как сам был крепко бит.

На охоту Робин попал почти случайно. Он частенько ездил на рыбалку с соседом Серегой. Тот рыбалку обожал, но не чурался и охоты. Зная о спортивном прошлом Робина, он проникся идеей приобщить его к благородной забаве, особо мечтая о том, чтобы тот вместо ружья воспользовался своим любимым оружием. Серега работал в милиции водителем и, как все его коллеги, при желании мог быть очень настойчивым. Так Робин оказался в автобусе в компании сотрудников внутренних органов. На момент знакомства те уже были не вполне трезвы и настроены весьма благодушно. Вид бравого лучника их ничуть не изумил, к великой досаде Сереги. Так же равнодушно они отнеслись к необычному имени, удивил их только отказ пить водку из горла.

Ехали весело. Энергия в охотниках била через край, в салоне гремели песни и звучали бравые рассказы о трудовых буднях и эпизодах прежних охот. Сосед

Робина нашел в молчаливом парне благодарного собеседника, и на фоне его охотничьих рассказов приключения барона Мюнхгаузена выглядели бледновато и все более меркли с понижением уровня жидкости в бутылке. Умолк он лишь в конце пути, когда, после очередного глотка огненной воды, устало смежил веки. Из-за этого Робин так и не узнал концовку его очередной истории. Полная опасностей охота на последнего мамонта проходила в дремучем лесу острова Шпицберген возле Якутска, где его собеседник проходил срочную, карауля с вышки колонию опасных сексуальных маньяков-людоедов, причем служил он в рядах десантных войск и, будучи в чине капитана, почему-то командовал майорами.

Из автобуса многих пришлось выносить, к чему в охотхозяйстве отнеслись с пониманием. Действо продолжилось за оборудованным под навесом дощатым столом. Робин все более ощущал себя лишним на этом празднике жизни. Пить он не любил, а сейчас и вовсе объявил сухой закон, твердо намереваясь приобщиться к таинству охоты. На его вопрос, когда собственно начнется главное действо, охотовед почесал затылок, покосился в сторону стола и изрек:

– Ежели живы будем, так с утра и начнем.

К изумлению Робина, утром встали все. Не обошлось без сложностей. Один бравый охотник ночью посетил уборную, но штаны при этом снять не удосужился. Не имея запасных, он был весьма растерян. Двое забыли дома ружья, кроме того, все чувствовали легкое недомогание, а выглядели как перед смертью. Первым делом коллектив наскоро ликвидировал недомогание известным русским способом. После этого остальные проблемы решились в один миг. Потрепанный узик-пирожок привез всех участников к какому-то болоту. Это и было место охоты. Все принялись собирать ружья и производить другие священные действия. Робин опять остался в стороне от процесса и совершенно не знал, что делать дальше. Тут к нему и подошел егерь, поинтересовался временем и при этом назвал Робин Гудом.

– По моим, десять минут восьмого, – сказал Робин и добавил: – А в какой стороне кабаны?

– Да там, – егерь неопределенно махнул рукой. – Мысок тут удобный, некуда им деваться. А ты крут, мы тут с автоматами видали, с арбалетами, но лук в первый раз. Не боишься-то?

– Не моя идея, – Робин кивнул в сторону Сереги. – На спор с этим приятелем как-то сбил дикую утку влет, он и загорелся идеей затащить меня на настоящую охоту.

– Ну смотри, кабаны тут не очень, но тоже не малые. Поставим тебя с краю, вряд ли они там пойдут. Но если что, замри в камышах колодой, не должны заметить.

– А как их лучше бить? В голову или куда еще?

– Ну ты горяч! Да их башку не каждая пуля пробьет, а раненый секач страшнее Терминатора. Лучше постой спокойно, вряд ли ты их вообще увидишь, мы тут не первый раз, по краю они не уходят.

Робин молча протянул егерю свой лук:

– Попробуй натянуть.

Тот с интересом принял незнакомое оружие, покрутил в руках, взялся за тетиву, потянул.

– Мать мою из-за угла коромыслом! Да он как каменный! Как его вообще можно натянуть?

– Дай-ка сюда.

Робин легко подцепил тетиву и, хрустнув суставами, одним плавным движением взвел свое оружие.

Егерь одобрительно крякнул:

– Ну ты и силен, с виду и не скажешь. А что это за ерундовина у тебя на пальце? В носу такой не поковыряешь.

– Это специальное приспособление, тетиву цеплять. Она тонкая, очень прочная, при такой нагрузке пальцы как нож отрежет. Рукавица на левой руке тоже специальная, чтобы при стрельбе рука не пострадала.

- Хитро-то как! А вот скажи-ка, доску-сороковку твой лук пробьет али нет?

- Хорошей стрелой он за пятьдесят метров приличный стальной лист пробьет, а сороковка ему как бумага. У нормального лука энергия выстрела выше, чем у большинства пистолетов. То же касается точности и дистанции стрельбы. Только скорость пули намного выше, чем у стрелы. Если тебе поставить двухсотлитровую бочку, из своего дробовика за сколько метров ты в нее попадешь?

- Ну ежели доброй пулей да с верхнего ствола, то метров на двести.

- Очень сомневаюсь. Я на такой дистанции всажу в нее весь колчан. Гарантирую.

Егерь покосился на лук уважительно. Из своих сорока восьми лет сорок три он провел в лесу и видел много разных охотников. Но этот парень был самым необычным. Удивляло не его оружие и даже не железная трезвость. От него веяло странно спокойной, несокрушимой силой, вид у него был такой, что сразу становилось ясно: мир вертится вокруг него, подстраиваясь под этого человека. Егерь не знал, что такое харизма, но интуитивно понимал, что этот парень обладает тем, чего у самого егеря никогда не будет. Спорить с ним совершенно не хотелось, да и действительно, на двести метров попасть из гладкостволки – немалая удача, чем ты не стреляй.

- А зовут-то тебя как? – поинтересовался егерь.

- Робин.

- Я серьезно спрашиваю.

- Я тоже. Показать документы?

- Да не надо уж, верю. А меня тут все Петровичем кличут.

- Будем знакомы. А что, правда, кабаны по моему краю никогда не ходят?

- Да кто этих гадов полосатых знает. С них станется, могут и пойти, если рыло не туда завернут. Хочешь, в другое какое-нибудь место поставлю?

– Да ладно, сойдет, не надо ничего менять. Долго мы еще стоять здесь будем?

– Ужо скоро. Вон Пашка чапает, морда аж светится. На месте зверь, счас тронемся потихоньку.

Петрович развернулся навстречу Пашке, на ходу представив, что кабаны действительно пойдут по краю болота. Оглянувшись на лениво-спокойную фигуру Робина, он пожалел зверей. В следующий миг сверкнула столь яркая вспышка, что мир превратился в собственный негатив. Егерь с криком прикрыл лицо рукой, но беспощадный свет продолжал терзать глаза, а в ушах взвыло страшным, мерзко лязгающим свистом. Достигнув самой высокой ноты, звук стих, следом наступила тьма.

Глава 2

Очнувшись, Робин сразу понял, что лежит не в кровати. Столь горбатых лежанок не бывает, да и постельного белья не было. Открыв глаза, он внимательно оценил свое расположение в пространстве. Кроватью здесь и не пахло. Тело его расслабленно свешивалось через чудовищно толстый ствол поваленного дерева, руки неудобно придавлены туловищем. Борясь с колющей дрожью, сотрясающей все конечности и шею, Робин с трудом подтянул ноги к груди, их тут же скрутило в столь жестокой судороге, что он не сдержал стон. Закусив губу, переждал приступ, медленно, стараясь не делать резких движений, приподнялся, сел. Оценил окружающую обстановку и, не сдержавшись, выдал универсальную фразу, подходящую к большинству нестандартных жизненных ситуаций:

– Твою мать!

То, что ситуация была нестандартной, сомнений не вызывало. Ствол дерева, послуживший Робину кроватью, толщиной был под три метра, а вокруг возвышались громадины его живых собратьев. Кроны их, смыкаясь в вышине, образовывали сплошной полог, зеленый сумрак пронизывали редкие солнечные лучи, но они лишь подчеркивали безжизненный мрак нижнего яруса леса. Земля была голой, ни травы, ни кустов, лишь подстилка сухих листьев и упавшие

ветви. Робин любил лес, но в таком был впервые и готов был поклясться, что подобные великаны в России нигде не сохранились. Лесозаготовители ни за что не пройдут мимо такого подарка. Да и в других частях планеты вряд ли имеются подобные леса, по крайней мере, он о таких странных джунглях не слышал.

Вытащив мобильник, Робин ничуть не удивился отсутствию сигнала, но привычное пиликанье кнопок слегка успокоило. Оглядевшись, он увидел на земле свой лук, рядом лежал незнакомый рюкзачок темно-синего цвета. Странная телесная слабость почти прошла, можно было рискнуть спуститься. Для этого пришлось пройти к вершине павшего великана, здесь ствол был тоньше. Вернувшись назад по земле, осмотрел лук, остался доволен его по-прежнему хорошим состоянием, занялся незнакомым рюкзаком.

Самым большим предметом в нем оказалась книга в пластиковой обложке. Робин отложил ее в сторону, осмотрел остальные вещи. Маленькое полотенце, кусок мыла, бритвенный станок, большой складной нож, пластиковая бутылка с водой, рулон туалетной бумаги, несколько пластиковых пакетов, алюминиевый котелок с ложкой. В маленькой аптечке вата, бинты, склянка йода, пузырек с розовыми пилюлями и упаковка из трех шприц-тюбиков. На последних двух предметах виднелись многочисленные надписи на разных языках. Робин опознал английский текст, он не отличался от русского варианта. На пузырьке значилось – «антибиотик», на упаковке шприц-тюбиков – «универсальное противоядие». В отдельном свертке, на дне, была стопка плиток, похожих на шоколад с вкраплениями рубленой соломы. На них коротко и ясно красовалось слово «пища», тоже на нескольких языках. Здесь же был небольшой пакетик с солью, со столь же лаконичной надписью.

Закончив осмотр, Робин взялся за книгу. На первой странице струились столбики разноязыких текстов. Русский вариант звучал таким образом: «Человек, ты находишься на другой планете, очень далеко от Земли. Вернуться назад ты не сможешь. На следующей странице ты найдешь изображение устройства связи. В местности, где ты находишься, тебе надо найти такое устройство. С его помощью ты сможешь получать необходимые для жизни предметы и продовольствие. Для этого необходимо иметь растения и минералы, пригодные для обмена. Их описание приведено в книге после описания устройства связи. Будь осторожен, в этом мире есть много опасностей: несколько рас аборигенов, хищные звери, ядовитые растения и животные. В книге ты найдешь много полезной информации. Доставляй к устройству связи растения и минералы, и мы всегда будем тебе помогать».

Взглянув на следующую страницу, Робин изучил изображение устройства связи и инструкцию по его использованию. Далее приводилось описание двадцати шести видов полезных растений и девяти минералов с советами по их сбору и обработке. Остаток книги занимали изображения различных представителей флоры и фауны с краткими описаниями. Зачастую хватало одного слова – «хищник», «ядовито».

Робин закрыл книгу, задумался. Случившееся меньше всего напоминало розыгрыш, а значит, произошло невероятное – он не на Земле. Кроме того, сила, забросившая его сюда, явно указала, что назад возврата нет. Как ни дико, но придется привыкать к мысли, что это навсегда, ведь он не имел понятия, как вернуться на Землю. Робин похолодел, представив, как годами будет скитаться по этому веселому чернобыльскому лесу, собирая травку, спасаясь от многочисленных хищников и склонных к людоедству аборигенов. От нахлынувшей тоски захотелось взвыть, и тут прогремел раскат близкого выстрела.

Вскочив, Робин завертел головой, пытаясь определить направление. За выстрелом донесся зычный крик, явно человеческий. Определившись с направлением, Робин подхватил рюкзак и поспешил в ту сторону. Крики следовали один за другим, кто-то явно пытался привлечь к себе внимание. Впереди посветлело, вскоре показалась опушка леса. За ней виднелся короткий пологий склон, поросший кустарником, внизу, среди валунов, бурно кипела небольшая горная речка. На другом берегу, выше такого же склона, вздымался столь же чудовищный лес, а на его опушке стоял человек в камуфляже. Робин узнал одного из охотников и крикнул, стараясь перекрыть шум реки:

– Эй! Я здесь!

Охотник спустился к берегу и прокричал:

– Ты один?

– Да, а ты?

– Нас здесь пока двое. Петрович ищет остальных.

– Значит, егерь тоже тут. Отлично! Я уже думал, что один остался в этом милом парке.

– Давай переправляйся сюда.

– Нет, здесь опасно, слишком мощное течение. Поднимусь выше, поищу более удобное место.

– Ну давай, только быстрее. Мне очень не нравится эта история. – Сделав паузу, охотник добавил: – И это место тоже, не по себе как-то.

Робин поспешил вдоль берега. Речка была неширокой, да и валунов в ней хватало, но удобного места для переправы не обнаруживалось. Пришлось подняться метров на двести. Здесь разливался широкий мелкий пережат. Валунов было великое множество, можно было рискнуть переправиться, даже не замочив ног. Выбрав наиболее перспективный маршрут, Робин легко преодолел водную преграду, лишь в одном месте пришлось совершить рискованный, длинный прыжок.

Уже почти вернувшись к охотнику, услышал совсем близко очередной выстрел. Досадливо поморщился: переводить невосполнимые запасы патронов на сигналы – явное расточительство. Вдруг выстрелы загремели один за другим, послышался крик, полный ужаса и боли. Робин замер, потянулся к колчану, вытащил три стрелы. Две оставил в руке, третья легла на тетиву.

Выстрелы стихли столь же внезапно, как и начались. Тишину теперь нарушал лишь шум реки. Смолкли птицы, прежде весело щебетавшие среди кустов и в кронах деревьев, казалось, весь мир замер в зловещем, напряженном безмолвии. Робин почувствовал на себе чужой, мертвящий взгляд, заставивший шевелиться волосы на затылке. Зубы его непроизвольно оскалились, загудел натягиваемый лук. Волчком развернувшись, он, почти не глядя, пустил стрелу в то, что подбиралось сзади и уже протягивало узловатые, когтистые лапы.

Хлопнула освобожденная тетива, вновь загудела, принимая следующую стрелу. Кошмарная фигура заваливалась назад, судорожно дергая своими многочисленными конечностями, но Робин, не колеблясь, выстрелил вновь, в этот же миг уловил боковым зрением шевеление кустов, послал третью стрелу в нового противника, уже вполне осознанно целясь в голову, туда, где среди

мерзких розоватых бугров поблескивала узкая щель глаза. Рука метнулась к колчану, захватила новую тройку стрел. Однако Робин уже почти наверняка знал, что все кончено. Он не мог сказать, откуда пришло это понимание, но чувствовал, что больше противников пока нет.

Подойдя к ближайшему телу, внимательно оглядел поверженного монстра. Тот еще мелко вздрагивал в агонии, но страха уже не внушал. Ничего подобного Робин раньше не видел даже в фильмах ужасов. Корявое двухметровое тело, нелепо изогнутое, несимметричное. Два плечевых пояса несут четыре лапы. Верхняя пара непропорционально длинная, два локтевых сгиба, лопаты-ладони с короткими когтистыми пальцами. Нижний пояс нес конечности почти человеческого типа. Это были настоящие руки, с тонкими пальцами, заканчивавшимися небольшими, почти символическими когтями. Монстра носили по земле короткие толстые лапы, вывернутые коленями назад. Коричневое тело было безволосым, кожа походила на сухую свернувшуюся чешую, осыпавшую клейкую поверхность. Голова несколько диссонировала со всем остальным. Столь же несимметричная, она представляла собой сложную систему сросшихся бледно-розовых бугров, покрытых редкой короткой щетиной. Посередине располагался единственный огромный глаз, прямо под ним алела короткая ротовая щель, откуда выглядывал хвостовик стрелы, другая пробила лоб.

Убедившись в смерти второго противника, Робин прошел вперед, к месту, где встретил охотника. Тот по-прежнему находился здесь, но груда мяса, затянутая в обрывки окровавленного камуфляжа, менее всего напоминала человека. Рядом еще хрипела туша монстра, розовая пена пузырилась в пулевых ранах на груди. Судя по всему, стрелок всадил в нападавшего всю обойму карабина, но тварь успела его достать. Хотя не исключено, что здесь поработали другие ее приятели, прежде чем наброситься на лучника.

Со стороны леса послышался легкий свист. Подняв голову, Робин увидел коренастую фигуру Петровича. Тот подошел ближе, оценил побоище и покачал головой:

– Да, ни хрена себе сходило решето по воду! Что же это за красавчик такой?

– Не знаю, но явно не Бельмондо. Надо полистать книгу, может, там о них что-то написано. Ты видел кого-нибудь еще?

- Нет. Да и звать других теперь боязно, мало ли кто припрется на сладкий голосок... - Егерь кивнул в сторону туши монстра.

- Правду говоришь, уходить нам отсюда надо, эти твари держатся стаями, я там еще двоих завалил. Как бы другие их сородичи не обиделись.

- А что с Саней делать будем? - Петрович кивнул на труп.

- Забросаем камнями. Ты начинай, а я сейчас вернусь, стрелы свои вытащу. Ты нож не одолжишь? Мой хлипковат, а надо кость ковырять.

Склонившись к трупу охотника, егерь снял с его пояса ножны и протянул Робину:

- На вот, у Сани хороший свинорез. Он ему уже не больно-то и нужен, а тебе пригодится. Бери, бери, покойный не обидится.

- Ты патроны у него посмотри и вообще забери все полезное. Нам здесь любая мелочь пригодится, сейчас не до щепетильности.

Оставив егеря заниматься мародерством, Робин вернулся к месту боя, спугнул несколько небольших крысopodobных зверюшек, вознамерившихся было полакомиться свежатиной. Нож действительно оказался довольно неплохой, с его помощью стрелы удалось извлечь целыми и невредимыми. Робин обмыл их в реке, затем помог Петровичу закидать тело охотника речными валунами, сделав своеобразный небольшой курган. Окончив скорбный труд, оба присели возле могилы, помолчали.

- Не люблю ментов, - вздохнул егерь, - но этот неплохой парень был. И выпить не дурак, и лишнего себе никогда не позволял. Вот уж чудна судьба человека, в такой дали головушку сложить. Как думаешь, зверье до него не доберется?

Вспомнив местных крыс, Робин покачал головой:

- Доберется. Наверняка доберется. Но на большую могилу нет времени. Здесь все пропахло кровью, как бы не пожаловали хищники. Да и сородичей этих циклопов тут может быть больше трех. Надо уходить.

– Возьмешь себе карабин?

– Пусть ружья будут у тебя, я из них стреляю плохо. Лук привычнее.

– Дивное дело! А что, в армии-то не служил?

– Нет, я в институте учился, а там военная кафедра. Да и не очень-то в армию и рвался.

– Зря, с тебя добрый бы офицер вышел.

– Как у нас обстоит дело с патронами?

– К моей родимой два с половиной десятка, но пули и картечь двенадцать штук, остальные – дробь, к СКСу хорошо, полная коробка – двадцать пять штук, и россыпью без малого два десятка. Спасибо Саньке, запаслив был.

– Ты, Петрович, береги патроны. Вряд ли мы их здесь достанем.

– Знамо дело, чай тоже не пень без мозгов, я тут даже за Саней гильзы собрал. Вдруг на что сгодятся?

– Ладно, хватит камни высиживать. Предлагаю перебраться на другой берег, здесь повыше есть удобное место. Если нас кто-нибудь станет вынюхивать, река помешает. А увидишь циклопов – бей им в голову, в грудь стрелять бесполезно.

Петрович предложение одобрил, и вскоре напарники совершили переправу. Далее направились вниз по течению, придерживаясь опушки леса. Шли молча, настороженно оглядываясь по сторонам и держа оружие наготове. Несколько раз пришлось перебираться через бурные ручьи, в одном месте речку зажали отвесные скалы, она срывалась с них серебряным водопадом. Пришлось обогнуть каменное препятствие, искать удобный спуск.

За скалами местность заметно изменилась. Рельеф был по-прежнему холмистым, но лес принял более привычный вид, деревья-великаны исчезли, появился густой подлесок, что прибавило путникам забот. В густых зарослях легко могла спрятаться целая орда циклопов, да и более крупным хищникам здесь полное

раздолье. Речка замедлила свой бег, временами разливаясь глубокими плесами, на пологих берегах часто появлялись различные животные. Петрович божился, что некоторые из них ничем не отличаются от привычных сохатых и оленей, но многие выглядели явной экзотикой. Да и головы оленей вместо рогов украшали короновидные наросты с зубчатыми краями. То и дело из-под ног срывались довольно крупные зверьки, напоминающие гибрид кенгуру с зайцем, Робин подстрелил одного из них. Петрович добычу освежевал, завернул тушку в лопухи и пообещал вечером приготовить «зайца по-тамбовски».

Хищники их не беспокоили, изредка мимо прошмыгивали местные крысы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся мелкими подобиями куниц. Более хищных зверей не попадалось, но на песчаных косах путешественники часто видели следы когтистых лап размером от пятака до крупной сковороды. Это заставляло не расслабляться: в сравнении с такими монстрами циклопы казались сущими хомячками.

Часов через шесть солнце склонилось к горизонту. Путники устроили привал, расположившись на песчаной косе. Натаскали сушняка, егерь взялся за приготовление ужина. Робин рубил ветви колючего кустарника, сооружая защитное ограждение вокруг бивуака. Импровизированные стены не устоят перед атакой крупного зверя, но замедлить нападение врага могут, да и шум выйдет немалый.

Уже в полной темноте сели ужинать. Робин развернул одну из плиток «пищи», надкусил, скривился и констатировал:

- Гадость!

- А ну, дай-ка я, - потребовал Петрович.

Прожевав кусочек, он невозмутимо заявил:

- Похоже на жженный навоз.

- А ты-то откуда знаешь его вкус? - хмыкнул Робин.

– Дед мой, царствие ему небесное, в брагу любил немного его добавлять. Я аж детство вспомнил.

– Не знаю, что там у тебя было в тяжелом детстве, но эти экскременты я осмелюсь есть только под угрозой голодной смерти. Давай лучше займемся твоим тамбовским зайцем.

Мясо неведомой зверюги оказалось весьма недурным на вкус. За неспешной трапезой полилась беседа:

– Ты-то как, жена имеется? – поинтересовался Петрович.

– Да нет, как-то не обзавелся.

– Может, оно и к лучшему. Ни жены, ни детей. У меня-то четверо, внуков уже трое. Вряд ли их уже когда увижу, аж сердце ноет.

– Петрович, ты успокойся. Не дай бог, прихватит. Врачей здесь не предвидится.

– Что ты, угомонись, у меня мотор – слон обзавидуется. Да я, если хочешь знать, до сих своих лет девкам покоя не даю. У нас порода крепкая, что дуб мореный. А я вот что весь день думаю: кому в башку пришло нас сюда затащить? Ты вот парень умный, институт закончил, как сам-то мыслишь?

– Ты по поводу института не очень на меня смотри, это был институт физкультуры, а там хорошим спортсменам почет и уважение, учеба же не главное. Я в ту пору не последним был. Но тоже весь день размышлял над этим вопросом, многое передумал. Ты вот что скажи: в ваших краях какие-нибудь странные, необычные вещи случались?

– А то! Мы же не пальцем деланы. В Михайловке у почтальонши петух яйцо снес. В Погореловке у доярки дите родилось, само черное, ликом вылитый зоотехник, а негров-то в Погореловке с сотворения мира не было. В Кудряшах старая церковь есть, так если пьяного туда в подвал закрыть и ночь продержат, все, никогда более пить не будет, веришь ли, стакан в руки и тот не идет, удрать норовит...

Через пять минут подобного монолога Робин понял, что окрестности охотхозяйства следует объявить мистическим заповедником мирового значения и причислить к известной семерке чудес света, поставив первым номером.

– Тихо, Петрович, о ваших деревенских чудесах в другой раз расскажешь. В том лесу, где мы охотиться собирались, не случилось ли чего-нибудь такого, что может быть связано с сегодняшними событиями?

– Почему не случилось? Случалось. Там инопланетяне шалят.

– Это как?

– А так. Болото видел? За ним перелесок, далее два озера. Одно так, кот нассал, другое тоже невеликое, но глубины бездонной. Караси там – во! – Руки егеря разошлись во всю ширь, изображая излюбленный рыбацкий размер. – Купаться боязно. И повадились там энти гуманоиды рыбку таскать. Сами они из себя маленькие, голова луковицей, а глазищи такие – быков завидки берут. Игнат с Погореловки там верши ставил, как увидел их, ой, что было! Уж насколько сам крепкий мужик, а на цельную неделю слег. Покуда лежал, самогона ведро выдул, еле успокоился.

– А сам-то ты их видел?

– Пару раз видал, тока очень издалека, – уклончиво пробормотал егерь и, оживившись, добавил: – А вот тарелку летающую узрел третьего дня. Аккурат по краю болота прошла, здоровенная зараза, хлебать с нее не перехлепать.

– А ты перед самой вспышкой ничего не видел?

– Да не, кажись, не видал. Но я же ввысь не поглядывал, чего мне там было смотреть?

– Я вот тоже. Но не раз слышал истории о том, что пришельцы похищают людей.

– Да и я слышал. Кино даже видел, не помню, как называется, там еще такой Малдер был, скажу тебе, большого ума человек, почти как Штирлиц, а подруга его – вылитая Зинка-кладовщица, тока покрасивее. В Пирогове у нас дочка

механика от инопланетянина родила, батя не поверил, сходил в Кущевку, на выселки, всем там звиздюлей навешал, никого не пропустил.

- Ладно, Петрович, я понял. Но вот зачем мы пришельцам- не ясно. По книге видно, что им только травки и камни нужны. Но если они столь высокоразвиты, что легко летают между звезд, то неужели не могут справиться без нашей помощи? Мы с тобой полдня пролазили, но ни травинки не собрали.

- Да мы и не глядели.

- Правильно. Но если бы и глядели, куда ее девать? Устройство связи нам не попадалось. Почему нас раскидали по округе, не проще ли собрать всех возле этого сооружения? Уже сегодня мы могли бы что-нибудь насобирать, отправить по назначению. В действии похитителей я не вижу никакой логики.

- Умно говоришь, как по писанному. А я так думаю, никак нам не понять этих гуманоидов. Так что давай-ка лучше о ночевке покумекаем, я мыслю, спать надо по очереди. А то как бы в чужой пасти не пробудиться.

Глава 3

Утро встретило низкой, свинцовой облачностью, временами срывался мелкий дождь. Доев остатки «зайца по-тамбовски», новоиспеченные товарищи продолжили движение вниз по реке. С каждым часом пути течение ее все более замедлялось, плесы становились шире, перекаты короче, перейти посуху ее уже было нереально. Впервые показались водоплавающие птицы, вполне похожие на земные аналоги. Здесь были и утки, и гуси, однажды показалась парочка лебедей с розоватым оперением. Время приближалось к полудню, когда Петрович остановился и, внимательно посмотрев под ноги, заявил:

- Тут люди протопали. Совсем недавно, ушли в сторону от реки.

- Ты уверен?

– Обижаешь! Я уж здесь не раз похожие следы примечал, но старые и невнятные какие-то, как от босой ступни. А эти хорошо видать. Сам гляди, вот подошва лопух припечатала, здесь с павшей ветки ступня соскользнула, каблук углом в землю вдавило. Несколько людишек здесь прошло, после дождя, видишь – воду посбивали, да и трава еще не поднялась, шевелится.

Робин позавидовал следопытскому таланту егеря и поинтересовался:

– Ты сможешь по следу идти?

– По этому-то? Да как по Фридрихштрассе. Они топают, как медведи в калошах. Тока спешить надо, если думаешь их догнать.

– Попробуем. Иди впереди, а то я человек городской, следов не вижу.

Петрович не оспаривал главенство Робина в их невеликом коллективе и по поводу погони не возражал. Преследовать неизвестных было легко, следы они не прятали, дорогу старались выбирать светлую и ровную, не забираясь в густые заросли. Маршрут неизвестных описывал широкие дуги, они то удалялись от реки, то вновь выходили к берегу. Так прошло около часа, как егерь вдруг замер, насторожено подался влево, прижал к ушам ладони лодочками, плавно поводит головой, повернулся к Робину:

– Там кто-то железом бряцает. Слышишь?

– Точно! Еле слышно. Двигаемся туда, только тихо.

Охотники направились на странный звук, один приготовил лук, другой снял карабин с предохранителя. Петрович с удовлетворением отметил, что, когда надо, его новый знакомец может шагать почти неслышно. Металлический лязг затих, но направление егеря засек точно, и вскоре показался источник шума. На маленькой поляне два плечистых человека, один побольше другого, склонились над третьим, закрывая его спинами и проводя над ним какие-то непонятные манипуляции. Все персонажи были облачены в средневековые доспехи и обвешаны целой коллекцией холодного оружия. Робин первым делом решил, что это местные аборигены, но тут увидел в траве знакомый темно-синий рюкзак, шепнул Петровичу:

– Похоже, наши люди, но карабин держи наготове.

Затем, выйдя из кустов, дружелюбно произнес:

– День добрый!

Парочка «броненосцев» подскочила с завидным проворством, в руках появились нехорошие предметы, один опустил забрало. Впрочем, как следует разглядев охотников, оба расслабились, убрали орудия убийства. Тот, что покрупнее, лязгнул металлом, явив миру темное лицо, и на чистом русском поинтересовался:

– Откуда вы здесь взялись?

– Да чтоб мне век не пить! Негр! – Изумление Петровича было по-детски искренним. Впрочем, быстро стерев с лица растерянное выражение, он деловито поинтересовался: – Слышишь, паря, а ты в Погореловке никогда не бывал? Ну хоч проездом?

Вспомнив мистическую историю о загадочном ребенке деревенской доярки, Робин едва сдержал смех и прервал речь егеря:

– Извините его, человек всю жизнь в лесу провел, негры ему в диковинку. По-видимому, мы оттуда, откуда и вы.

Второй парень, совсем молодой и безусый, с типично славянским лицом, спросил:

– А сколько вас?

– Было трое, но один вчера погиб.

Негр мрачно насупился, шагнул в сторону, открывая последнего латника, лежащего без движения. Лицо его представляло кровавую маску, огромная рана тянулась через лоб к правому виску. С первого взгляда было ясно – это мертвец. Робин покачал головой и спросил:

– Что здесь случилось и откуда у вас доспехи?

Негр снял шлем, вытер со лба пот и заявил:

– На долгие разговоры нет времени. Я Мавр, это Векша, так нас зовут в клубе исторического фехтования. У нас был сбор в лесу, когда случилась эта вспышка. Вчера мы еле нашли друг друга, до вечера собирались. Всего набралось семь человек. Сегодня мы встретили в лесу детей, явно человеческих. Они говорили на неизвестном языке, привели нас в селение. Там было много взрослых, вели они себя достаточно спокойно и без агрессивности, мы расслабились, потеряли бдительность, Ульф, – Мавр кивнул на труп, – снял шлем. Потом на нас напали, все сразу. У них совсем нет хорошего оружия, и в первый момент нас спасли доспехи. Ульфу досталось топором по голове, Варяг, это президент клуба, приказал мне с Векшей оттащить его в безопасное место. Они прикрыли наш отход, а когда мы попытались вернуться, то все было кончено. Варяг и Кнехт лежали на земле, с виду мертвые, Густава с Пересветом тащили куда-то к центру селения. Мы не могли отбить их вдвоем и вернулись назад. Отнесли Ульфа сюда, и вот он умер.

– Мужики, помогите нам, – умоляюще протянул Векша, – ребят надо освободить, самим нам не справиться, а у вас есть ружья.

– Ружья – это хорошо, – согласно кивнул Робин, – к ним бы еще патронов побольше. Сколько народу в этом селении?

– Не знаю, – Мавр пожал плечами, – там штук пятнадцать хижин, а напало на нас человек тридцать.

– Какое у них оружие?

– Топоры, копья, дубины, некоторые крутили пращи, парочка с луками. Все дрянное, каменное или костяное, сами все мелкие, если бы не эффект неожиданности, мы бы отбились. Я этих сук руками готов рвать.

– Сколько отсюда до селения?

– Точно не скажу, но не более километра. Если за нами погоня, нагрянуть могут в любой момент.

Ну что же, диспозиция была ясна, Робин не раздумывал ни секунды:

– Снимите с Ульфа доспехи, я их надену на себя, наши размеры на вид одинаковы. Кто из вас может стрелять из ружья? Ты? Петрович, дай Мавру двустволку и патронташ. Ваше оружие в рабочем состоянии?

– Мечи и кинжалы затуплены, – грустно промолвил Векша, – это из-за ментов. Но секира в порядке, есть еще булава, кистень и «утренняя звезда», – паренек крутанул железного ежа на цепи.

– Понятно. Секиру возьмешь себе, мы разберем остальное железо. Сейчас я надену доспехи, и дружно, на всех парах рвем к селению, нападаем, пока они не очухались. Берегите патроны, нам их брать негде. Стрелять в основном буду я, вы только прикрываете. Стрелы мы потом соберем.

Селение располагалось посреди огромной поляны. В дальней ее стороне виднелись небольшие возделанные поля, сам поселок стоял посередине. Полтора десятка больших хижин окружал низкий частокол, скорее забор, в одном месте его разрывал проем, служащий входом. Пара аборигенов, одетых в грубые рубахи и штаны, тащили неподвижное тело, затянутое в доспехи. Увидев четверку мстителей, они заорали, бросили добычу и поспешили к хижинам. Селение взорвалось хором воплей, из входа, потрясая смертоносными орудиями, хлынули защитники.

Оценив примитивность вражеских маневров, Робин понял, что, будь у него достаточно стрел, он бы справился со всеми в одиночку. Хлопнула тетива, упал передний, самый шустрый воитель. Лучник работал как машина, выбивая врагов одного за другим, боевой задор их стал угасать на глазах, все норовили спрятаться за чью-нибудь спину. Треснул карабин, затем еще несколько раз, оглушительно бабахнул дробовик. Вот тут агрессоров проняло по-настоящему. Бросая оружие, они рванули назад, не помышляя более ни о каком сопротивлении.

– Не расслабляться! Здесь мы завалили далеко не всех, большинство удрали, – крикнул Робин. – Сейчас войдем в селение, при малейшем сопротивлении убивать без пощады.

Отряд преодолел полосу вражеских укреплений и ворвался в крепость. Здесь царил тишина, защитники цитадели и их домочадцы попрятались в хижинах. Векша отпрыгнул в сторону, вытащил из-за поленницы худощего мужика, дал понюхать лезвие секиры и заорал:

– Куда вы дели наших товарищей? Где Густав? Где Пересвет?

Пленник лишь скулил, а разглядев Мавра с поднятым забралом, замер истуканом, вытаращил глаза, под ногами его стало расплываться мокрое пятно. Оставив его в покое, четверка победителей занялась прочесыванием павшей крепости. Без церемоний они врывались в хижины, пугая обитателей до икоты и нигде не встречая сопротивления. Следов пленников не было, зато в центре селения, на маленькой площади, обнаружили несколько аккуратно уложенных трупов. Мертвый латник, шесть аборигенов и циклоп с палкой в глазнице. Разглядев этот шедевр сюрреализма, Мавр не сдержал потока отборного русского мата, довольно странно звучащего в его устах. Тут же из ближайшей хижины кто-то хриплым голосом поинтересовался:

– Мавр, это ты?

– Густав? Живой, зараза!

– Скорее не совсем мертвый. Помоги нам снять веревки.

Мавр бросился на помощь товарищам, остальные прикрывали его снаружи. Вскоре из хижины показались освобожденные узники. Показав на коренастого, крепко сбитого парня лет тридцати, Векша представил его как Густава, второй, настоящий белокурый великан схожего возраста, был Пересветом, при виде третьего Петрович восхищенно выругался. В сравнении с этим амбалом Пересвет выглядел сущим младенцем. Классический кавказец согнулся в три погибели, выбираясь из хижины, а распрямившись, стал гордо взирать на всю честную компанию с высоты птичьего полета.

– Ты кто такой? – уважительно спросил Робин.

- Ахмед, - степенно представился гигант.

- А сколько же в тебе росту, Ахмедушка?

- Два мэтра, пэтнадцать сантимэтров.

Робин присвистнул и поинтересовался:

- А как же ты сюда попал?

- Бижал от милиция. Потом стал здэсь.

- Почему это за тобой милиция гналась?

- Я их папа имел, - спокойно заявил Ахмед.

- Н-да, история твоя становится все более пикантной. А кто тебе морду так разукрасил?

Великан чуть подумал, затем деловито перечислил обидчиков:

- Охрана в магазине - раз, милиция - дыва, эти, кто здэсь жить, - три.

- А охрана за что?

- Я их папа тоже имел, - бесхитростно ответил сын гор.

- Да ты у нас Казанова! А в хижину как попал?

- Сам пришел, никого не трогал. Скажи, почему сразу бить, а? Я же ничэго не сдэлал!

- В хижине еще один есть, - сказал Мавр. - Только он мертвый.

– Вах! Он давно уже мертвый. Его имеет страшный козел с одним глазом, он потом умирать.

– Ты че несешь, черномазый? – не выдержал Мавр.

– Ты на себя пасматри, бландинка, – парировал Ахмед. – Я правда говорить. Меня тоже хотеть иметь, но кто хотеть иметь Ахмеда, того Ахмед иметь сам.

– Так это ты циклопу в глаз кол забил, – догадался Робин. – Шустрый парень.

Джигит взглянул ему в глаза, уважительно произнес на одном дыхании:

– Возьмы мэнэ к сибэ, я сильный, я много уметь дэлать. Я всэх иметь, кто против ты.

– Какие вопросы, присоединяйся. Осмотри пока убитого, собери все полезное. Ты не знаешь, куда отнесли доспехи и оружие убитых?

– Почему не знаю? Знаю!

– Их тоже собери. Густав, Пересвет, поможете ему и сами вооружитесь. Потом пройдитесь по хижинам, найдите местных главарей, вы их должны были видеть, и выгоните на площадь. Петрович, бери Мавра и Векшу, осмотрите все селение, может, еще кого-нибудь из землян найдете. Кстати, это всех касается. Я тут у одного видел медный топор, так что металл им известен. Забирайте все металлическое оружие и утварь, что найдете, здесь это немалая ценность. Я пока вернусь, соберу стрелы.

Робин вернулся к месту битвы, поискал свои боеприпасы. К его сожалению, две стрелы оказались сломаны, боезапас уменьшился до восемнадцати. Уже возвращаясь, увидел, что на опушке сверкают пятки двух драпающих аборигенов. Он нахмурился, поспешил назад.

На площади царило некоторое оживление. Кучкой сгрудились четверо угрюмых пленников, справедливо не ожидающих от судьбы ничего хорошего. Петрович облачался в доспехи, ему помогал Векша. Ахмед крутил в руках последний комплект брони, сокрушенно цокая языком: это был явно не его размер. Густав

подскочил к командиру, браво отрапортовал:

– Предварительный осмотр деревни закончен. Схвачены четыре главаря, найдены четыре медных топора, копье и кинжал, забрали также три лука со всеми стрелами. Кроме того, в хранилище трофеев обнаружил вот что. – Робин с интересом осмотрел черный пистолет с навинченным глушителем, а Густав добавил: – Ахмед сказал, что это отобрали у мертвого парня.

– Интересный был человек. Мавр, ты готов был всех голыми руками рвать? Тебе и карты в руки. Занесите в темницу тела Варяга и Кнехта. Туда же заведите главарей. Подоприте дверь и поджигайте хижину.

– Да ты что?

– Ничего! Они должны четко понять – наших трогать нельзя. Впрочем, если такой вид казни тебя шокирует, можешь взять секиру и отрубить им головы.

В этот момент один из пленников не выдержал и, заорав, бросился в сторону ворот. Тихоня Пересвет лениво развернулся, резко взмахнул рукой. Короткий топор пробил затылок беглеца с такой силой, что уже мертвое тело унесло на несколько шагов.

– Шевелись, живее! – прикрикнул Робин на Мавра. – Несколько местных туземцев сбежали, как бы подкрепление не привели. Густав, бери Векшу, выберите подходящего пленника, заберем его с собой, нам надо изучить их язык. И посмотрите жратву здешнюю, нам она не помешает.

– А может, это... – нерешительно пробормотал Густав.

– Что – это?

– Может, баб прихватим? От них пользы побольше, да и не так опасны, как мужики.

– Ну ты и силен! Сам избит, как боксерская груша, но мысли только об одном. Ладно уж, но ты за них отвечаешь сам, нам проблем не надо.

- А сколько брать? – деловито уточнил Густав.

- Двух тебе хватит? Вот и давай!

Селение покидали под аккомпанемент воплей сжигаемых жертв. Уже в воротах услышали близкий крик, отряд оцетинился оружием. К Робину подошла древняя, крючконосая старуха, с ног до головы увешанная клыками, когтями и другими фенечками, ткнула крючковатым пальцем, прошипела:

- Цохван!

- Чего тебе, красавица? Мы спешим.

Обернувшись назад, бабулька бодро присвистнула, из-за хижины показалась совсем еще зеленая девчонка, тонкая, как тростинка, с огромными перепуганными глазами. Еле передвигая ноги, она подошла к старухе, встала, не поднимая глаз. Та шикнула на нее змеей, отвесила короткую затрещину, вновь повернулась к Робину:

- Цохван! Ямуга пронато эйко спег горо паитукуна. Бирнако вер горо арасапиг.

- Бабка, ты сама-то поняла, что сказала? – не выдержал Мавр.

С затаенным ужасом покосившись в сторону негра, старуха ухватила девчонку за руку, подтащила ее к Робину:

- Цохван! Тэй горо анакра эйко.

Оставив до полусмерти перепуганную девчонку, старуха бодренько удалилась. Густав заржал:

- Эгей, командир! Какую тебе ляльку подогнали! Знать, уважают!

- Нам хватит двоих, эта же почти ребенок. Уходим, пока местные нам еще чего-нибудь не подарили. Между лопаток.

Поняв, что ее бросают, девочка минуту постояла, затем догнала отряд, пошла рядом с Робинем, не поднимая головы. Ее действия остались без комментариев, в это время командир как раз оглашал бойцам дальнейший план действий:

– Сейчас возьмем тело Ульфы, негоже своих бросать. Похороним на берегу реки, там камней хватает. Мавр, сколько человек участвовали в вашем сборе?

– Да не меньше сорока своих и еще гостей куча.

– Мы вернемся к месту вашего появления и поищем остальных. Петрович – егерь и отличный следопыт, так что успех вполне возможен. Нам очень необходимы люди. Здесь полно опасных зверей, аборигены настроены враждебно. Нас слишком мало, любая серьезная заварушка – погибнем все. А у ваших ребят к тому же есть доспехи и оружие. Боец в самой плохонькой кольчуге по местным меркам – что танк. Стального оружия здесь не знают, стрелы в основном деревянные, если есть наконечники, то из кремня или кости, я нашел один нефритовый и восемь медных, но в наших доспехах они не опасны. В общем, программа минимум – вернуться в район вашего прибытия.

Глава 4

В нужное место вышли к вечеру. Витязи клялись, что все появились где-то поблизости. Лагерь разбили на берегу небольшого ручья, поужинали трофейными припасами – копченым мясом и рыбой, рыхлыми лепешками, пирогами с грибами и мясом. Распределили ночные вахты. Робин поставил себя первым. Решив не терять времени даром, он направился к пленницам, возле которых укладывался на ночлег его «подарок». Подняв перепуганную девочку, он подвел ее к костру, усадил на кучу лапника, сел рядом. Та тут же поднялась и, помертвев лицом, принялась стаскивать платье. Чертыхнувшись, Робин вскочил, решительно прервал начинающийся стриптиз, опять усадил вконец растерянную пленницу. Подбросив веток в огонь, он приступил к освоению местного языка:

– Робин, – медленно произнес он, показывая на себя.

Несколько раз повторил. В карих глазищах последовательно сменилась целая гамма чувств от страха до удивления, наконец мелькнула искра понимания, девочка указала пальцем на своего страшного хозяина и мелодично прозвенела:

- Роб-бин!

- Примерно так. А тебя как звать? - Робин указал на нее пальцем.

Та поняла, ткнула пальцем себе в грудь:

- Сата Неомо Кайя.

- Больно много для такой пигалицы. Ты будешь Сата. Поняла? Ты - Сата, я - Робин.

- Сата, Робин.

- Вот мы и познакомились.

Робин ободряюще улыбнулся, девчонка робко улыбнулась в ответ. Он подумал, что если она перестанет испуганно сутулиться и наведет порядок на голове, то выглядеть будет весьма ничего. А приедет, так вообще красавица. Начало было положено, теперь можно приступать к изучению языка. Робин около часа допрашивал Сату, пока не увидел, что девушка откровенно трет глаза. Отправив ее спать, он замер у костра, упорядочивая полученные знания, стараясь сохранить приобретенный словарный запас.

Рядом подсел егерь, пошевелил палкой огонь, подняв к небу столб искр.

- Что, Петрович, не спится?

- Как тут сопьешься? С воды пьян не будешь. День дурной был, сколько мыслей новых, думать не передумать. Ты-то как, язык освоил?

- Да что ты, не так быстро. Пока только в основном названия разных предметов. Но, судя по всему, это наречие не очень сложное, а на память я не жалуюсь.

Товарищи помолчали, Петрович подбросил в огонь щедрую порцию веток и тихо проговорил:

– Ты, паря, что сундук с двойным дном. Сам говоришь, даже в армии не служил, а баталию сегодня вел, как Кутузов, ты налево, ты направо, а ты вообще стой. Поселян этих бил, как на параде, будто и не люди они вовсе. А начальство их? Лютой смерти предал. Пересвет, вон, тот тебя больно хвалит. Говорит, славная тризна у ребят вышла. А Мавр, так тот чуть не побелел. Не хочешь рассказать, откуда ты такой взялся?

– Почему бы и нет, – Робин пожал плечами, – думаю, здесь все подписки отменяются. Я тебя не обманывал, просто всего не рассказывал. Да и мало мы с тобой лясы точили. Есть такая очень серьезная контора, которая испытывает постоянную потребность в специфически подготовленных парнях. Для подготовки таких парней однажды понадобился инструктор по работе с холодным оружием. Серьезные люди оглянулись, увидели меня, сделали предложение, от которого нельзя было отказаться.

– Так ты не только с луком можешь?

– С луком я не просто «могу». Я на олимпиаде совсем немного до золота не добрал. Отчим у меня бывший циркач, с детства учил ножи и топоры метать, на лошади джигитовать, в институте по фехтованию друг натаскал. В общем, я прошел что-то вроде специальной учебки, меня мельком прогнали по смежным дисциплинам – все, инструктор готов. В учебном центре я работал до последнего дня, а там чего только не было. Боевые приемы отрабатывают на трупах, свиньях, а то и живых людях – «куклах». Так что кровью меня не напугать.

Егерь подбросил в костер очередную охапку веток, хотя пламя еще не сожрало предыдущую порцию.

– Ну что ж, паря, все, что оно ни делается, то к лучшему. Здесь энти живодерские умения ох как не помешают! А я вообще-то вот чего подошел: следит за нами кто-то.

– Кто?

– Про то не ведаю, ночью зреть людям не дано. Ты головой не верти, краем глаза глянь, видишь, над лесом два высоких дерева небо зачерняют? От них прогалина меж кустов идет, по ней он и крадется, там чисто, шуму много не делает, но нет такого хитрована, чтоб меня в лесу обмануть. Ты сможешь его взять или я сам?

– Смогу.

– Тогда делаем так. Ты иди вправо, сделай вид, что ложишься, а я будто бы тебя сменил. Костер добро раскочегарен, за пламенем он тебя не увидит. Крадись к нему по опушке, в лес не забирай, там шуму больше. Я, как почую, что ты на прогалину вышел, ор заведу, будто кусило меня что. Ты под это дело к нему и выйдешь. Только иди от самого леса, а то перед костром тебя заметно будет.

Демонстративно стащив доспехи, Робин отошел от костра, прилег, отполз к опушке, далее двигался на полусогнутых, носками ботинок зондируя почву на предмет сухих веток и других шумоопасных предметов. На путь к прогалине ушло около десяти минут. Робин замер, достал из-за пояса трофейный пистолет, стал ждать концерта Петровича. Тот, до сего момента спокойно сидевший у огня, вдруг взревел белугой, вскочил, нелепо запрыгал:

– Ох, что ж за проститутка, ох уж мне! Да растудыть ее через моржовый хрен!

– Да ты чего, Петрович? – кричали разбуженные ребята. – Чего орешь?

– Как тут не орать, гадюка какая-то на спине лазает и кусает, что клещами. Ох, уберите ж ее с меня!

Под этот шум Робин скользнул на прогалину, призраком возник за спиной присевшего лазутчика, приставил ствол к стриженому затылку и спокойным голосом сказал:

– Отгадай с одного раза, что я приставил к твоей голове?

Шпион даже не дернулся и не менее спокойно ответил:

– Ну даже не знаю. Неужели свой член?

– Ответ неверный, но юмор я оценил. – Робин вытащил из-за пояса противника копию своего пистолета с аналогичным глушителем. – А сейчас очень медленно, без суеты, подними руки вверх и иди к огню.

При свете костра все с интересом разглядывали таинственного незнакомца. Тот оказался невысок, светловолос, с простой внешностью, не поддающейся описанию. Только глаза были необычными, тускло-голубыми, холоднее льда и одновременно с доброй, веселой искоркой. Широко улыбнувшись, он обратился к Петровичу:

– Вечер добрый, нельзя ли погреться у вашего костра?

– Волчья пасть тебя согреет, – не очень дружелюбно пробурчал егерь.

– Почему за нами следил? – спросил Робин.

– Я же не знал, что вы такие замечательные ребята. Вот и присматривался.

– Пистолетик у тебя больно интересный, у меня такой же. Ничего по этому поводу сказать не хочешь?

– У меня есть разрешение.

– Покажи.

– Я его дома забыл, а твое где?

– Что-то мне подсказывает, оно там же, где и твое. Ты один?

– Вы почти первые, кого я тут видел.

– Что значит – почти?

– У меня была волнующая встреча с местными туземцами, но мы не сошлись характерами. Больше никто мне не попадался.

– Ладно, ночуй пока здесь, завтра сам решишь, оставаться или дальше искать приключения. Звать-то тебя как?

– Можете называть меня Хонда.

– Хонда? – радостно гукнул Ахмед. – Слушай, какой хороший имя, совсем как женский! А нам здесь женщин не хватает, мало их, ты понял?

– Да понял, – спокойно ответил Хонда и поинтересовался – Ты, стало быть, не успеваешь горячих парней обслуживать? Странно, такой задницы, как у тебя, на роту должно хватать. Ты не филонь, и в вашем коллективе будет царить любовь и согласие.

Горец вытаращил глаза, побагровел вареным раком и выдал на одном дыхании:

– Я твой папа имел, я твой дэдушка имел, я твой прадэдушка имел, я всэх твой прадэдушка имел и всэх их папа тоже, – выдержав паузу, он понял руку и, выпрямив указательный палец в наказующем жесте, торжественно закончил: – И я имел ишака, который имел тибя!

– Не знаю, не знаю. Выглядишь ты так, будто, наоборот, они тебя все поимели, а ишак на это мероприятие еще и свою родню привел.

На Ахмеда жалко было смотреть. Его покинул дар речи, из горла вырывались лишь сиплые хрипы. Гигант вытянул руки, явно намереваясь уничтожить обидчика с максимальной жестокостью. Робин гаркнул во все горло:

– А ну, успокоились, устроили тут вечер юмора! Спать! А то до рассвета не угомонитесь!

Ахмед притих вмиг, авторитет Робина для этого великана был непререкаем. Хонда благоразумно промолчал. Лагерь постепенно успокоился, и остаток ночи прошел без происшествий.

Утром поисковая группа в составе Петровича и Векши отправилась на прочесывание лесного массива. У избитого Пересвета поднялась температура, его оставили лежать у костра. Мавр с Густавом занялись заточкой мечей и кинжалов, насобирав подходящих камней. Женщины под руководством Ахмеда обустроивали лагерь. Робин с рассветом ушел к реке, намереваясь настрелять птиц.

Хонда вяло, без энтузиазма, помогал ставить шалаши, не переставая обдумывать свои дальнейшие планы, между делом доставая всех окружающих своим язвительным чувством юмора. К моменту возвращения Робина Ахмед уже практически созрел для совершения убийства в состоянии аффекта. Из информации, собранной по крупицам, Хонда понял, что его напарник мертв. Это его не особо огорчило, так как он давно смирился с тем, что люди смертны, и довольно многим сам помог отойти в мир иной ранее природой назначенного срока. Сожаление вызывало лишь то, что покойный был человеком проверенным и надежным, такой здесь бы здорово пригодился.

Новые знакомые Хонде нравились все больше и больше, особенно интриговала его личность Робина. Сильные характеры в наше время попадаются не часто, а человека, с которым совершенно не хотелось спорить, он раньше вообще не встречал. Люди в маленьком коллективе подобрались один крепче другого, и под руководством такого лидера их шансы на выживание в этом мире довольно велики, а скромная помощь Хонды им не помешает.

Робин вернулся через несколько часов, притащив связку битых уток, приятно разнообразивших рацион. После обеда он немного позанимался с Сатой, попытался провести примитивную беседу, но словарного запаса не хватало. Освоившаяся девочка при свете дня практически ничего не боялась и даже рискнула попросить колчан, с восхищением принялась рассматривать стилизованное изображение рыцаря, тисненое на коже. Робин достал книгу, протянул ей, раскрыв на изображении какого-то животного. Сата потрясенно охнула, а когда парень листнул страницы, засмеялась, забыв обо всем на свете.

Рядом присел Хонда, задрал голову, разглядывая синь небес, и, скривив губы в легкой усмешке, произнес:

– Ты бы с ней еще в куклы поиграл.

- Хорошая идея, я обязательно ею воспользуюсь.

- Странноватый ты какой-то. На баб ваших пленных ноль внимания. Эта красотка, я вчера видел, сама перед тобой хотела раздеться, так не позволил. Может, у тебя с Ахмедом роман?

- Да нет, он не в моем вкусе.

Хонда улыбнулся чуть пошире - ему понравилось непоколебимое спокойствие этого человека, он лишний раз убедился, что не ошибся в нем.

- Значит, к бабам тебя не тянет, мужики не нравятся, что же остается? А, понял, ты, наверное, онанизмом занимаешься?

- Верно догадался, занимаюсь. Два раза в день, утром левой рукой, вечером правой.

Хонда обескуражено притих, размышляя, стоит ли вводить в бой орудия главного калибра или этот человек непробиваем в принципе. Однако Робин сам прервал его рассуждения:

- Послушай, Хонда, я не знаю, кто ты такой и откуда взялся, да и не очень хочу знать. Мы посмотрели друг на друга, оба прекрасно поняли, кем являемся и чего ждать от каждого. Так уж вышло, что главный здесь я и думать мне приходится не только за себя. Я не могу позволить, чтобы ты шатался по лагерю как не очень желанный гость. Ты или с нами, или уходи. Оружие тебе вернут.

- Мне можно подумать?

- Нет, времени у тебя было вполне достаточно.

- Ну что же... - Хонда скорбно кивнул головой. - Я очень хочу остаться с вами. Бедному сироте тяжело прожить в темном лесу.

- Хорошо, ты принят. Вон, возле Пересвета лежит комплект доспехов, они твои. Сейчас иди к Мавру, будешь помогать ему точить оружие. Есть возражения?

– О мой господин! Сердце вашего слуги преисполнено радости. Более легкой и интеллектуальной работы нельзя и придумать. Ради нее я готов отказаться от сна и десерта.

Мавр сидел, прислонившись к дереву, и монотонно водил камнем по кромке меча. Встав над ним, Хонда уставился ему в макушку немигающим взглядом. Тот, не поднимая головы, поинтересовался:

– Чего хотел?

– Приобщиться к твоему великому мастерству оружейника. Меня послал наш суровый вождь – Робин.

– Понятно. Вот меч, вот камни. Начинай.

– Что? Да разве это меч? Это гриф от штанги! Легче якорь на авианосце наточить!

– Это нормальный двуручный меч – эспадон. Приступай к работе, не морочь мне голову, я сам кому хочешь ее заморочу.

С самым скорбным видом оглядев орудия производства, Хонда провел куском песчаника по кромке чудовищно тупого меча. Результатом его усилий были несколько жалких царапин. Вздохнув, он сообщил:

– Знаешь, Мавр, я ненавижу две вещи – расизм и негров.

– Бывает, – невозмутимо произнес негр и тем же тоном добавил: – Если хочешь поссориться, выбирай из этой кучи любое оружие. Но мой тебе совет, лучше сходи утопись, не так больно будет.

Хонда лишний раз порадовался, что ответил Робину согласием. Ему все больше нравились эти люди.

Поисковая группа вернулась с пополнением. Робин с удивлением смотрел на хрупкую, изящную девушку модельной внешности. Копна золотистых волос,

тонкие черты лица. Одевание ее состояло из высоких сапог и тонкой, почти декоративной кольчуги, покроем похожей на короткую тунику. Из-за спины выглядывал лук, на узорчатом поясе висел короткий меч с усыпанной цветными камнями рукоятью. Пронзительно-голубые глаза смотрели на мир с таким радостным изумлением, что Робин не сдержал улыбки.

– Кого я вижу! – воскликнул Мавр. – Анита!

– Я не Анита! Я Валькирия! – звонко прощебетала девушка.

Повернувшись к Робину, Мавр сообщил:

– Это Анита, сестра Варяга. Она главный позор нашего клуба – толкиенистка!

Последнее слово он произнес с такой интонацией, что всем сразу стало ясно: в его классификации живых существ толкиенисты занимали весьма скромное положение, где-то между бородавчатыми жабами и кольчатými червями.

– Я не позор, я украшение клуба! И сколько тебе повторять: я – Валькирия!

– Раз ты Валькирия, то будь добра, носи скандинавские доспехи. То, что ты носишь, более походит на сбрую проститутки!

– Нахал! Куда можно бросить мой рюкзак?

Тут же нарисовался Ахмед:

– Вах, красавица, давай я тибэ памагу!

– Ух ты! Оно разговаривает! А где Варяг?

Мавр потупился, обернулся к Векше:

– Ты не сказал?

Тот виновато покачал головой.

– Ну это, – негр неловко взял девушку за руки, – только не расстраивайся сильно. Нет больше Варяга, убили его.

Девушка замерла, еще не осознав страшных слов, растерянно оглянулась, заглядывая всем в глаза, будто ожидала, что сейчас кто-нибудь рассмеется, скажет, что это шутка, а из кустов выйдет ее брат. Поняв, что все серьезно, Анита закрыла лицо и зарыдала, неловко утешаемая Мавром. Впрочем, успокоилась она довольно быстро, горе не помешало ей за ужином уплести чудовищное количество еды и при этом непрерывно щебетать – бедняжка целых два дня была без собеседников.

– Я питалась только этой гадостью из рюкзака и ягодами.

– А почему не охотилась? – поинтересовался Робин. – Или лук у тебя вместо украшения?

– Да нет, обращаться я с ним умею. Птичек очень жалко. Я бы, может, и решилась, но как приготовить без огня? В рюкзаке спичек нет, а я не курю. Вчера полдня на дереве просидела, какие-то черные твари, похожие на бультерьеров, меня внизу караулили, зубами клацали. Хотела уже было стрелять, как они сами ушли. Но я так испугалась, что до утра не слезала. А ночью вспомнила, что у меня день рождения – восемнадцать лет!

– Поздравляю! Хотя боюсь, это был не лучший день в твоей жизни.

Ахмед тут же закончил трапезу и, отойдя к опушке, принялся деловито собирать цветы. Анита-Валькирия посмотрела в его сторону, затем на Робина, в голубых глазах отразилась напряженная работа мысли, девушка улыбнулась:

– Ты Робин Гуд! Я вспомнила!

– Приятно слышать! Я не думал, что столь известен даже за пределами Ноттингема.

– У нас в секции твое фото висит. Правда, что в олимпиаде ты участвовал со сломанной рукой?

- Гнусная ложь. Это был простой вывих, незадолго до соревнований. Я его скрыл, боясь, что не допустят, но потом правда всплыла.

- Здорово! Ты с искалеченной рукой завоевал серебряную медаль!

- Да там не было ничего страшного, сустав сразу вправили, без каких-либо последствий, так, легкое растяжение. Ты лучше скажи, стрелять хорошо можешь?

- До тебя, конечно, далеко, но вообще довольно неплохо. Вон, ребята могут подтвердить. Только лук слабый, мощный мне не натянуть, телосложение не то.

- А как со стрелами?

- Двенадцать штук.

- Эх, знал бы, сотню захватил! Анита, не хочу тебя расстраивать, но свыкайся с мыслью, что оружие использовать придется, причем не только против зверей. Наши луки - главное дистанционное оружие отряда. Ружья скоро станут бесполезными, патронов мало. Мне жаль, что так получилось, тебе не место в этом мире, но раз уж ты с нами, тебе не будет скидок ни на возраст, ни на пол, и внешность тебе не поможет. Если начнется бой, мы не всегда сможем тебя прикрыть, ты сама должна научиться заботиться о себе. Будет очень обидно, если тебя искалечит или убьет противник, которого ты пожалеешь, промедлишь с выстрелом. Понимаешь?

Анита посмотрела на Робина с суровой серьезностью, кивнула:

- Я поняла. Воин из меня, конечно, не очень, но на мой лук можешь рассчитывать. Если будет надо - выстрелю в кого угодно, - и уже прежним тоном добавила: - И я не Анита, я - Валькирия!

Тут перед девушкой нарисовался Ахмед, протянул букет полевых цветов:

- Красавица, паздаравляю с днем раждения тибя! Живи долга-долга, будь такой красивый всигда, чтобы когда тибэ било сто лет, мужчины ползать за тобой на карачка и целовать слэд, а самый пэрвий ползти я!

Именинница не выдержала, рассмеялась:

- Да, такой день рождения у меня действительно впервые!

После ужина все расселись вокруг костра, беседой отвлекая Аниту от ее горя. Робин отбился от коллектива, продолжив занятия с Сатой. Выяснив несколько десятков новых слов, достал книгу. Начал ее листать, показывая изображения животных и растений. Сата охотно говорила их названия, правда, многое было ей неизвестно. Робин случайно проскочил через несколько страниц, попав на изображение устройства связи. Завидев фотореалистичную картинку, девочка указала на нее пальцем:

- Рохо!

- Что? Ты видела это?

Глядя на взволновавшегося мужчину с удивлением, Сата вновь указала на книгу:

- Рохо!

- Ты там была? - сказал Робин и стал формулировать этот вопрос жестами.

Девочка поняла, отрицательно покачала головой и, напрягая память, попробовала объяснить, используя весь свой невеликий запас слов:

- Рохо стоять. К рохо течет вся вода. Мне идти там, где много вода, я найти рохо.

Расспросив девчонку поподробнее, Робин понял, что устройство связи находится на берегу моря или большого озера. В него впадают все местные реки, так что найти дорогу туда не сложно. Судя по всему, Сата знала какие-то точные приметы, указывающие на местоположение рохо, но описать их не смогла. Теперь Робин знал, куда они отправятся после прочесывания этого района.

- Ладно, иди спать. Ты что, не поняла, спать! - он показал в дальнюю сторону поляны, где стоял шалаш пленниц.

Девочка встала с трогательно-жалобным видом, посмотрела с немой мольбой. Робин нахмурился, прислушался. С той стороны доносился бас Ахмеда, коротко проржал Густав, послышался женский смех. Там явно кипело нездоровое веселье. Поняв, что Сата туда, мягко говоря, не рвется. Робин взял ее за руку, подвел к шалашику, выделенному Аните:

- Тук-тук! Есть кто дома? Не спишь?

- Еще нет, - напрягшимся голосом ответила девушка.

- Тебе там не скучно? - сказал Робин и осекся. - Я не то имел в виду. Ты это, тут у нас местная девчонка, ты не будешь возражать, если она с тобой поживет?

Из шалаша выглянула золотистая головка. Глянув на Робина, Анита недоверчиво произнесла:

- А я думала, что она спит с тобой. Вы так мило любезничали в сторонке от всех!

- Это не то, что ты думаешь. Я пытаюсь выучить местный язык, считай, что она моя учительница.

Глаза девушки блеснули странной радостью, она улыбнулась:

- Никогда не видела учительницу в два раза моложе ученика. Оставляй ее, я только рада буду, не так страшно спать.

- Сата, это Анита. А-ни-та. Ты спать здесь. Поняла?

Обрадованно закивав, юная пленница обратилась к хозяйке шалаша:

- Я Сата, ты Анита.

- Слушай, ну ты не мог сказать, что я Валькирия?

Три дня егерь с помощниками искал землян, но удача улыбнулась лишь на вторые сутки. Отряд пополнили два новых члена. Один – Дима-Тевтон, из того же клуба исторического фехтования. Как и все его товарищи, парень крепкий, в тяжелых латах, со щитом и кучей оружия. Вторым новичком – просто Игорь. На сборе клуба он был гостем, доспехов не имел, статью не вышел, возрастом тоже, ему не было семнадцати, да и состояние здоровья внушало некоторые опасения. Скитаясь по лесу, он ел всякую гадость и заработал хроническую диарею, которая, согласно известной рекламе, заставляла его врасплох в самые неподходящие моменты.

Ночью третьего дня спать не пришлось, разразилась буря. Ветер играючи ломал деревья, в несколько минут снес шалаши, вода свергалась настоящим водопадом, молнии били, как из пулемета. Ручей вышел из берегов, лагерь оказался под угрозой затопления. Кончилось буйство стихии только к утру. Мокрые и уставшие, все отсыпались до обеда.

Петрович походил по лесу и категорически заявил, что старые следы все потеряны и вряд ли удастся кого-нибудь найти. Робин смирился с мыслью, что большой отряд собрать не удастся, и принял решение идти к устройству связи.

Глава 6

– Ахмед, а давай мы будем звать тебя Тролль. Ты очень похож.

– Вах, красавица, зачем Толя, Ахмед тоже хороший имя.

– Да нет, не Толя, тролль. Это такой великан. Ты «Властелина колец» читал?

– Я его видеть пачти как тибя.

– ???

– Это в Москве большой человек, самый главный, там все кольца его. Садовое кольцо, МКАД...

– Ахмед! Ты это в КВН подслушал! Жираф-юморист!

– Что сердишься, красавица? Ахмед говорить видеть, значит, видеть. Маленький, на голова кепка, Лужков фамилия.

Златовласка рассмеялась, в изнеможении прислонившись к дереву. Робин тоже усмехнулся, отпустил свой комментарий:

– Анита, что ты от него хотела. Природа, когда его создавала, все материалы пустила в тело. На мозгах пришлось экономить без пощады. Парень букварь осилил, а без остального можно легко прожить.

– А ты Толкиена читал?

– Я фильм смотрел, в переводе Гоблина.

Анита презрительно фыркнула, вынесла суровый приговор:

– У меня такое ощущение, что вы из одного зоопарка. Тот, кто не читал Толкиена, не может быть человеком! Выходит, я нахожусь в компании гориллы и шимпанзе!

Из кустов тенью появился Петрович, осуждающе покачал головой:

– Вы еще песню хором затяните. Поворачивать надо, деревня там, над самой рекой.

– Большая?

– Девятнадцать домов. Суета там нездоровая, больно много мужиков шатаются, дубинами разными помахивают. И что интересно, морды злые, как у гестаповцев. Как бы до беды не дошло.

– Ладно, пойдем к остальным, надо обойти это препятствие.

Основной отряд затаился в пятидесяти шагах. Услышав новости, все опечалились: делать крюк не хотелось. Но связываться со злыми мужиками хотелось еще меньше. Пришлось удалиться от реки, на обход ушло больше часа, двигаться приходилось среди густых зарослей. Уже подходили к воде, как вдруг егерь замер, присел, внимательно рассмотрел чей-то след, повернулся к Робину.

– Похоже, кто-то из наших земляков впереди шустро чешет. Обувка совсем на местную не похожа. Если поднажать, быстро нагоним, времени всего ничего прошло.

Отряд прибавил ход, но и неизвестный земляк оказался крепкой закалки, нагнать его удалось только почти под вечер. Сперва егерь, шедший впереди, поднял руку, останавливая дозор.

– Что там? – шепнул Робин.

– Вона он, за тем деревом сидит, отдыхает. Вишь, нога выглядывает, в кроссовке белом.

– Ладно, пойдем знакомиться с этим скороходом.

Услышав деликатное покашливание, незнакомец вскочил, как ошпаренный, быстро развернулся. Перед ними замерла молодая женщина с крепкой, спортивной фигурой, одетая в короткие шорты и обтягивающую безрукавку ядовито-оранжевого цвета. Короткая стрижка, миловидное лицо, испуганные серые глаза. Петрович одобрительно крикнул, Робин улыбнулся и заговорил:

– Привет! Мы за тобой уже часа четыре бегаем. Быстро же ты ходишь.

– Как вы меня напугали, я думала, это они меня догнали. Ой, сколько же вас!

Из кустов выходили другие члены отряда, незнакомку обступили со всех сторон.

– Кого ты назвала «они»? – заинтересовался Робин.

– Я в деревню местную зашла, выше по реке, пыталась объясниться с аборигенами. Сперва все было спокойно, потом появился какой-то худой мужик в

черной хламиде, весь обвешанный мышинными черепами, а с ним несколько ужасных зверюг, все корявые, с единственным глазом, а рожи... Бр-р. Я их как увидела, сразу бежать. Меня пробовали поймать, но я вырвалась.

Петрович развернулся взведенной пружиной, крутанул карабин вокруг плеча, взял к плечу наизготовку.

- Берегись! - крикнул егерь. - Они уже здесь!

Робин схватил лук, не раздумывая. Вовремя - среди кустов замелькали уродливые фигуры циклопов, меж ними мелькали многочисленные аборигены с оружием в руках.

- Циклопов в голову бить! - заорал он, свалив первого.

Равномерно затрещал карабин, по ушам резанул женский визг. Робин успел выпустить шесть стрел, затем отбросил лук, враги были уже рядом. Выхватив меч, бросился им навстречу, длинным выпадом пронзил грудь аборигена, замахнувшегося топором, возвратным движением увел лезвие в сторону, зацепил живот другого. В шлем ударила стрела, наконечник разлетелся в мелкие осколки, Робин пропустил ощутимый удар в бок, доспех выдержал, но ребра загудели. Обернулся, но там уже делать было нечего, Ахмед снес копейщику голову. За спиной гиганта коренастый, бочкообразный лучник, криво скалясь, натягивал тетиву. Робин закричал, предупреждая джигита, но тут враг с криком присел на землю со стрелой в солнечном сплетении, а пробежавший мимо Пересвет добил его коротким, точным ударом в основание шеи.

В шуме схватки слух выделил девичий крик. Обернувшись, Робин увидел, что на прекрасную лучницу накнулись сразу двое, она отступала, пытаясь защититься своим игрушечным мечом. Парень умел двигаться быстро, но в этот раз превзошел самого себя. Первый противник умер стоя, не успев ничего понять, второй дернулся, когда брызги крови убитого товарища залили ему голову, но это было последнее, что он успел сделать перед смертью. Мельком кивнув перепуганной девушке, спаситель стал разворачиваться, и тут на его голову обрушился удар такой сокрушающей силы, что не выдержали застежки шлема, их сорвало, а сам Робин покатился по земле.

В глазах плыл искрящийся туман, на него надвигалась уродливая фигура циклопа, раскинувшая в стороны свои страшные верхние лапы. Чудовище спешило добить оглушенного противника! Робин пошарил рукой, пытаясь найти потерянный меч, и запоздало крикнул, увидев рванувшуюся сбоку тоненькую фигурку. Встав перед ужасным созданием, Сата подняла руки и пронзительно закричала:

- Нур! Атами горо хисар данато!

Монстр замешкался, недоуменно опустил лапы, но тут же, словно очнувшись, встряхнул головой, широко размахнулся, собираясь уничтожить столь незначительное препятствие. Но этой задержки Робину вполне хватило. В воздухе молнией блеснул нож, полет его завершился в глазнице чудовища. Циклоп хрюкнул, плетью уронил занесенную лапу, завалился на бок. Синхронно с ним упала Сата.

Противник дрогнул, началось повальное бегство. Гнаться за врагами в тяжелых доспехах было бессмысленно. Робин криком остановил Ахмеда, явно собиравшегося преследовать беглецов до полного истребления:

- Назад! Все назад! Ахмед, стоять, тебе сказано!

Бойцы замерли, выходя из боевой горячки. Мельком оглядев свое воинство, Робин облегченно вздохнул – все были на ногах, только Сата неподвижно застыла на земле.

- Так, говорю всем. Посмотрите друг на друга, ищите раны. В горячке боя вы их сами могли не заметить. Анита, приведи в чувство Сату.

- А... а она живая?

- Конечно живая, просто в обмороке. Побей по щекам, водой облей – очнется. Соберите все металлическое оружие, какое найдете. Стрелы мои не трогайте, я их сам вытащу. Шевелитесь, нам надо до вечера отойти отсюда хотя бы километра на два, вдруг они вернуться.

Серьезных повреждений ни у кого не оказалось. Ахмеду распороли бок, но рана была не опасной, хотя и кровавой, остальные пострадали гораздо меньше, спасибо доспехам, но ушибы и ссадины заработали все латники. Противник так легко не отделался, оставил более двух десятков убитых и тяжелораненых, а также всех четырех циклопов.

Сата пришла в себя, но от пережитого ужаса ее не держали ноги. Робин понес ее на руках, отказавшись от помощи Ахмеда. Тому, конечно, было бы гораздо легче, но парню хотелось хоть как-то отблагодарить свою спасительницу, честно говоря, такого поступка ожидать от нее можно было менее всего. Да и Робин не заслуживал от своей пленницы такого самопожертвования. Тяжесть была невеликой, но и дорога не совсем близкой, под конец пути руки отваливались, но он никому не доверил свою ношу.

Привал устроили в стороне от реки, у маленького ручейка. Не вмешиваясь в отработанный порядок разбивки лагеря, Робин присел на ствол поваленного дерева, подозвал незнакомку. Рядом, грея уши, ненавязчиво замаячил Ахмед, делавший вид, что всецело увлечен заготовкой лапника.

– Сударыня, не пора ли вам представиться?

– Лена.

– Приятно познакомиться. Я Робин.

– Я уже знаю. А это у вас такое оригинальное хобби, носить девушек на длинные дистанции?

– Я не всех подряд так таскаю. Да и разговор у нас вовсе не о моих увлечениях. Чем вы занимались на Земле?

– Я учительница. А вы?

– Кочегар. В городском крематории.

– Я серьезно!

– Я тоже. Знаете ли, милая барышня, у меня сегодня не самый лучший день и шутить не очень хочется. Давайте я вам кое-что расскажу. Мне почти тридцать лет, мозги в порядке, а коэффициент интеллекта сто сорок девять. Это меньше, чем у Леонардо да Винчи, но гораздо больше, чем у действующего президента США. Вышеперечисленные характеристики позволяют мне с неплохой эффективностью анализировать информацию, получаемую из окружающего мира. Я внимательно изучил все обстоятельства, забросившие нас в этот мир, и выявил ряд закономерностей. Если здесь и есть случайные люди, то они попали сюда по той причине, что оказались в ненужном месте в ненужное время.

– Что ты имеешь в виду?

– Сюда переместились физически сильные, воинственные люди, причем застигнутые в обстоятельствах, где эти их характеристики были заметны. Толпа любителей старины, обвешанных доспехами и оружием, охотники прямо из леса, хулиганствующий громила, парочка темных личностей с оружием профессиональных убийц. Ты можешь не рассказывать мне о себе все, но я здесь главный, и если ты хочешь остаться с нами, то я должен знать, чего от тебя можно ожидать. Да и профессия твоя может представлять определенный интерес. Для примера – нам очень не помешает врач.

– Но я сказала чистую правду. Мне совершенно нечего скрывать. Я простая учительница, преподаю химию в гимназии. У меня есть хобби – люблю покорять скалы без всякого снаряжения и страховки. Меня забросило сюда в тот момент, когда я висела на двух пальцах над пятидесятиметровым обрывом.

– Теперь понятно. Поздравляю, ты тоже в когорте необычных людей. Рад тебя приветствовать в нашей компании, экстремальная альпинистка.

– Извини.

– За что?

– Ну что я не доктор. Я действительно очень люблю, как ты выразился, экстремальный альпинизм. Больше, чем секс. Эй, джигит, не мучь свои уши, я занимаюсь этим только с людьми, которые мне очень нравятся.

Лена поднялась, кивнула Робину на прощание:

– А ты мне понравился.

Проводив ее взглядом, тот повернулся к Ахмеду.

– Подслушивать нехорошо.

– Вах, какой женщина! – Горец восхищенно цокнул языком. – Настоящий Елена Прекрасная!

– Елена Прекрасная?

– Да. Бил такой красавица, за ней дэвять лет все воевали. Город сожгли, Троя называется.

– Ну ты и даешь, в жизни бы тебя не заподозрил в знании «Илиады».

Горец ничего не ответил, он поспешно собирал цветы, пользуясь последними солнечными лучами.

Сата очнулась настолько, что даже улыбнулась, когда рядом присел Робин. Тот улыбнулся в ответ, ласково потрепал девочку по голове.

– Ну что, героиня, не знаю, как тебя и благодарить. Как я жалею, что мы столь плохо друг друга понимаем.

– Робин хорошо?

– Да уж лучше, чем тебе. Первый раз в жизни за меня так решительно заступилась девчонка. Может, тебя оставить в каком-то селении? Ну как тебе объяснить!

Впрочем, при мысли о том, что девочку придется оставить у этих жестоких аборигенов, сердце его сжалось, он понял, что хочет этого менее всего. Он догадывался, что в родное селение ей возврата нет, не зря она добровольно

пошла за ним.

– Анита плохо.

– Что?

– Анита плохо. Там.

Взглянув в указанном направлении, Робин заметил притаившуюся в кустах красотку. Подошел, присел рядом, тихонько кашлянул. Девушка, не прекращая рыдать, подняла лицо, опять закрыла его ладонями.

– Можешь не прятаться, я все видел, – сурово заявил он. – А знаешь, ты, когда плачешь, становишься чудовищной уродиной. Страшнее Бабы-яги.

Женская психология не подкачала, Робин еле успел перехватить руку, спасаясь от пощечины, и, глядя на разъяренную фурию, рассмеялся:

– О женщины, как легко вами управлять. По какому поводу рыдаем?

– Спрашиваешь! Я... До меня только сейчас все дошло. Как же я перепугалась!

– Ничего страшного, все боятся. А ты молодец, не растерялась, хорошо стреляла. Так что можешь рыдать спокойно, это нормальная реакция на стресс, пошел откат. А слезы к тому же хорошо очищают организм.

Сквозь слезы показалась лукавая улыбка:

– А что там кто-то говорил по поводу Бабы-яги?

– Небольшое преувеличение, – усмехнулся Робин. – Как тебя еще расшевелить? Да ты посмотри на сына Кавказских гор. Настоящий джентльмен!

Ахмед торжественной походкой приближался к Елене, умывавшейся у ручья. Став над ней, он протянул букет цветов и что-то сказал. Та подняла голову, коротко ответила. Джигит равнодушно отбросил букет, что-то достал из

кармана, деловито осмотрел, недовольно покачал головой. Огляделся и, узрев Робина, поспешил к нему:

– Робин, у тебя есть сто долларов? Я отдам.

– Да зачем же тебе деньги?

Покосившись в сторону Аниты, Ахмед стеснительно произнес:

– Давай отойдем, а? Я тебе скажу, но тихо, понял?

– Красавица, закрой уши. Давай, говори.

– Она мне сказала: двести долларов.

– Что?

– Вах! Она сказать: двести долларов! Ты понял, да? А у меня только сто, рублями. Но она брать по курсу, я так думать.

Робин захохотал, не выдержав, приснула златовласка. Взглянув на нее с осуждением, Ахмед обвинил:

– Вах, красавица, нильзя падслушивать.

– Ахмед, Ахмед! – Робин покачал головой. – Ну сам подумай, зачем ей здесь деньги? Она просто пошутила.

Гигант глянул на Робина мудрым взором, полным снисходительного превосходства, и заявил:

– Робин, ти плохо знать женьщин. Им всигда дэньги нада. Всигда! Ти понял?

– Прости нас, сын самой большой звезды. Мы оказались слабы. – Сабир, младший азат деревни, извивался в пыли деревенской площади, лобызая сапоги высокого

человека в просторном черном одеянии, расшитом огромным количеством черепов бласов.

- Где старший азат? – брезгливо спросил хозяин сапог.

- Он мертв, – всхлипнул Сабир, – цохваны убили его.

- Как это случилось?

- О владыка Глаз Мира, мне страшно говорить! Вели убить меня, язык мой больше не может мне служить.

Пнув азата ногой, жрец прошипел:

- Я, Зардрак акх Даутор, атон всех атонов Заоблачного храма, приказываю тебе и твоему гнилому языку: ты скажешь все! Что случилось после того, как вы отправились в погоню за странным существом, похожим на женщину?

- Великий, случилась большая беда. Мы видели много чужих следов, но не боялись, с нами ведь шли нуры. Но голоногая женщина оказалась цохваном, она завела нас в ловушку. Мне страшно это вспоминать, я видел то, чего нельзя видеть ни одному человеку! Там были цохваны, очень много цохванов. Таких мы еще не видели, это ожили страшные предсказания Торанвера. Многие из них были сделаны из темной бронзы, их не брали наши топоры, а копья попросту раскалывались. У одного лицо сделано из самой ночи, другой был огромным великаном, он разрывал людей на куски. Они убили многих наших людей и всех нуров. Наши сердца переполнились большим страхом, мы стали спасать свои жизни, а цохваны гнались следом, медными когтями убивали тех, кто отставал. Мы бежали до самой деревни.

- Ты хорошо все видел?

- Да, я швырял камни из задних рядов. Я лучше всех в деревне управляюсь с пращей.

- Как они убили нуров?

– О, муж мириадов эйко, это было страшно! У двух цохванов были огромные луки, большой силы, три человека не смогут такой натянуть. Они метали стрелы такой крепости, что те пробивали нурам головы. Другой цохван извергал гром, и от того грома не было спасения. Последний нур бросился за цохваном, двигавшимся быстрее молнии. Он оторвал ему голову, тот упал, но едва коснулся земли, как голова отросла вновь. Нур опять бросился на него, но ему помешал другой цохван, похожий на худую женщину в одежде дэйко. Он приказал нуру проверить его. Лесной страж замешкался, но, поняв, что перед ним не атон и даже не имин, хотел убить обманщика. Тогда цохван, лежавший на земле, захохотал, махнул рукой, метнул молнию, убил последнего нура. Я рассказал все, что видел, великий!

Зардрак призадумался. В отличие от невежественных поселян, он относился к проблеме цохванов без всякой религиозной истерии и страха, как к явлению известному, привычному и хорошо изученному. Атон прожил немало, но на его памяти никогда еще цохваны не устраивали столь кровавое побоище. А уж убить четырех священных нуров! Подобное невозможно было даже представить. Особо настораживала странная женщина, она смогла остановить нура словами, а в это невозможно поверить. Хотя, если предположить, что это одна из уцелевших исс, то дело становится более понятным. Но тогда сила ее огромна, не всякая исса может приказать нуру замереть хоть на мгновение. Здесь явно произошло нечто, требующее очень тщательного расследования. Жрец вновь пнул всхлипывающего азата:

– Ты бросил в лесу тела четырех священных нуров. Это большой грех!

– Великий, но у нас почти не осталось мужчин! Мы не сможем забрать лесных стражей, нас всех убьют цохваны.

– Молчи, отрыжка магира. Ты отправишь на место битвы самых лучших охотников, они должны проверить – на месте цохваны или ушли. Я пошлю своих младших атонов в ближайшие селения, завтра они приведут много мужчин и, возможно, нуров. Мы убьем цохванов и позаботимся о телах павших.

- Слышь, паря, а как оно тебя так угораздило негром быть?

- Да вот, сам не знаю. Как-то само получилось, я не виноват.

- Ну не хошь говорить, так не говори. Я че, не обижусь.

- Да ничего здесь интересного. Папа - студент из Африки, мама - русская, я вот сын своих родителей. Отца вообще никогда не видел.

- Вот оно как. А твой батяня в Погореловке часом не бывал?

- Да что ты пристал со своей Погореловкой?

- А ну цыц, не шуми! Чего же это?

- Что такое, Петрович?

К застывшему передовому дозору подтянулся весь отряд.

- Чего стоим? - поинтересовался Робин.

- Да идет кто-то, прямиком к нам. Но шаг больно чудной, будто мотоциклет попердывает. Святые угодники, чего же это такое! - опешил егерь.

Было от чего опешить. Раздвигая кусты, навстречу отряду двигалось нечто. Более всего оно напоминало двухметровый розовый манекен с оплавившейся поверхностью и со сросшимися ногами. Две длинные щупальцевидные руки, извивающиеся во всех направлениях, голова с острой верхушкой. Не было ни глаз, ни каких-либо отверстий, однородная розоватая поверхность, покрытая каплями потекшей пластмассы. Вызывал загадку странный способ передвижения этого существа, оно просто плыло над самой землей. В этом создании не чувствовалось жизни, но вместе с тем оно вызывало столь сильное омерзение, что Робин, не думая, вскинул лук и вбил стрелу в середину твари.

Мощный лук не подвел, но стрела ушла в розовое тело всего на несколько сантиметров, место вокруг раны заколыхалось волнами, показался легкий дымок. Пронзительно завизжала одна из женщин, к Робину подскочила Сата,

схватила за руку, с удивительной силой потащила его в сторону:

– Цохван! Бежать! Все умирать! Бежа-а-а-ать!!!

Робин послушался сразу, больно убедительно она уговаривала.

– Скорее уходим! – крикнул остальным.

Уже скрываясь в кустах, едва поспевая за девушкой, он успел оглянуться. Розовая фигура застыла на том же месте, где ее настиг выстрел. По телу бурлили трясущиеся волны, оно на глазах расплывалось ручьями, а от стрелы валили клубы дыма.

Далеко отбежать они не успели, ярчайшая вспышка на миг затмила солнечный свет, громовой удар едва не порвал барабанные перепонки, в спину толкнула ударная волна. Робин едва устоял на ногах и удержал Сату. Оглянулся – позади вздымалось густое, темно-бурое облако, расцветиваемое огненными сгустками. Все молча смотрели на эту картину. Густав выругался.

– Хорошие у тебя стрелы. Наверное, брал их в магазине противотанкового оборудования? – в своем духе высказался Хонда.

Робин повернулся к Сате, схватил ее за плечи:

– Кто это был? Кто?

– Цохван! – коротко ответила девушка.

– Ладно, вечером поговорим. Идем дальше, я хотел бы оказаться отсюда как можно дальше. Да и как бы лес не загорелся от такого фейерверка.

Лес не загорелся, и до самого вечера отряд двигался без приключений. Река в этих краях разлилась по-настоящему, по ней вполне смогло бы пройти небольшое речное судно. Рельеф стал гораздо положе, скалы исчезли, лес поредел, часто перемежался обширными полянами. Местность была более населенной, пришлось обойти не одно селение, путники нередко пугали

одиноким охотников. Однажды по реке быстро проскочила узкая лодочка с парой гребцов.

Окинув взглядом зеленый луг, Робин командовал:

– Остановимся здесь, почувствуйте себя как дома.

– Эх, красотища! – воскликнул Густав и, ущипнув ближайшую светловолосую пленницу, добавил непонятное слово с вопросительной интонацией. – Саотюн?

Та рассмеялась, отскочила от игриво настроенного витязя. Запомнив неизвестное слово, Робин оставил отряд устраивать лагерь, сходил к мелкому заливику, где подстрелил парочку жирных гусей. Возвращаясь назад, услышал гневные крики. На краю лагеря стояли друг против друга Ахмед и Густав, причем последний вытирал кровь с разбитой губы. Оба поливали друг друга площадной бранью, махали руками, заводясь все больше и больше. Сбоку растерянно переминалась Сата.

Робин поспешил к эпицентру разгорающегося конфликта. Завидев его, Густав крикнул:

– Эй, убери своего нукера, пока я с ним чего-нибудь не сотворил.

– Да что тебе мне сделаешь? Жопа станешь цилавать? Цилуй, я не возражаю!

– Тихо, что тут у вас случилось? Из-за чего сыр-бор?

– Этот Кинг-Конг меня ударил!

– Ахмед, объясни, зачем ты ударил Густава?

– Я иво папа имел, я иво дедушка...

– А ну, помолчи. И когда ты только все успеваешь. Густав, за что он тебя ударил, ведь вы вроде приятели?

– Да совершенно ни за что! Эта девчонка мимо проходила, я ее по задку хлопнул, что тут такого? А этот урод молча подскочил и как врежет! Хорошо, я голову успел развернуть, оторвало бы напрочь, у него же кулаки что ведра. Тьфу ты!

Густав неожиданно засмеялся. Робин удивился, поинтересовался:

– И по какому поводу мы так весело ржем?

– Да как тут не ржать! Этот гоблин за твоей спиной показывает пантомиму на тему своих глубоко личных взаимоотношений с моими многочисленными предками.

Робин обернулся и сурово уставился на джигита. Тот стоял в подчеркнuto расслабленной позе, являя собой воплощение невинности.

– Послушай, Ахмед, ты же мог его серьезно покалечить. Не нравится, так скажи словами, нам только драк не хватало. Немедленно перед ним извинись.

– А пусть он не трогать твоя девушка.

– Да она мне нужна? Я же ничего ей не сделал, я же без всякой задней мысли, можно сказать, со всей душой. У меня вон, подруга бегают, – Густав показал на светловолосую пленницу.

– Вот и отлично, а ну, пожали друг другу руки! Вот так! Сата, иди за мной.

Отойдя чуть в сторону, Робин расстелил плащ, усадил девушку, присел рядом. Та смотрела испуганно, опасаясь наказания. Улыбнувшись, он поспешил ее успокоить:

– Все хорошо. Ты совсем ни в чем не виновата. Хорошо. Поняла?

Сата кивнула головой.

– Вот и отлично. Кстати, что такое саотюн? Са-о-тюн. Поняла?

Глаза девушки испуганно вспыхнули, налились страхом. Она стыдливо обернулась на суетящихся неподалеку людей, глянула на Робина с отчаянной обидой, поднялась, начала снимать платье.

- Да что за день!!! - воскликнул тот, вскакивая.

Схватив Сату за руки, он попытался ее успокоить:

- Все! Хватит! Я просто хотел узнать. Я все понял. Да что ж ты так меня боишься? Я же тебя пальцем не трогал, не обижал! Ты забыла, как меня спасала? Разве я обижу тебя, глупая? Эх, жаль, ты мало понимаешь наш язык!

- Я понимать, - девушка виновато улыбнулась, смущенно потупилась.

- Ладно, прости мне мое дурное любопытство. Присядь. Слушай, я знаю, что понимаешь ты больше, чем можешь сказать, так что мои слова тебе в основном ясны. Мне очень интересно, что мы сегодня повстречали. Кто это был?

- Цохван.

- Это слово произносила старая женщина в твоём селении, когда тебя отдавала мне. Что это значит?

- Ты цохван.

- Ничего не пойму. На эту тварь я совершенно не похож. Не мог же я за эти дни так измениться!

Девушка нахмурила личико, попыталась объяснить.

- Ты не ходишь живой лес без страх. Нур тебя делать стоять, смотреть, ты быть другой, не лес без страх. Ты прийти не знаю. Ты рождаться не звезда. Ты цохван!

- Но это было совсем другое существо. Почему оно взорвалось после ранения?

Бросив на Робина снисходительный взгляд, Сата пояснила:

– Все знать, цохван не трогать. Его уметь трогать только нур. Он делать это хорошо.

– Кто такой нур?

– Ты говорить «циклоп».

– Понятно. А скажи вот что, Ахмед – цохван?

– Да.

– Но ты же видела, он был ранен, но не взорвался. Почему?

– Он другой цохван, я не знать. Я не атон, не имин, я дэйко. Я мало знать.

– Что такое дэйко?

– Это плохо. Мне нет никогда к атону, мне не петь имин. Мне могут хотеть заставлять умирать.

В глазах девушки показались слезы. Сердце Робина дрогнуло, он обнял малышку, успокаивающе погладил по спине.

– Я мало что понял из твоих слов, но догадался, дэйко быть не очень весело. Успокойся, здесь ты не дэйко, никто тебя не обидит. Я поговорю с Густавом, он будет обходить тебя десятой дорогой.

Робин выходил из реки, где мылся в стороне от лагеря, и замер. На берегу возле его одежды, поджав к груди ноги, сидела Елена.

– Эй, красавица, ты бы отвернулась, что ли.

– А зачем? Я хочу на тебя посмотреть.

Пожав плечами, Робин с напускным безразличием выбрался на сушу, поспешно отряхнул воду, стал натягивать одежду на влажное тело, мысленно проклиная бесстыжую нимфоманку. Ее насмешливый взгляд не покидал его ни на мгновение.

- Ну и как впечатление? - одевшись, спросил он.

- У тебя очень красивое тело. Мне понравилось. Не хочешь взглянуть на мое?

- Спасибо, как-нибудь в другой раз.

- Ну надо же, чем же я хуже твоей Саты? Неужели эта зеленая девчонка умеет что-то особенное, чего не умею я? Может, просветишь?

- Между нами ничего не было, это знают все, тут ничего не скроешь.

- Обманывать нехорошо. Вы только что так мило обнимались, прямо как голубки, приятно было смотреть.

Посмотрев на Елену с сожалением, Робин спокойно констатировал:

- Ты воспринимаешь весь мир через призму своей испорченности. Учти, она иногда здорово искажает картину.

- Так тебе не нравятся испорченные женщины?

- Честно говоря - нет. Так что извини, пойду я.

- Смотри, когда передумаешь, может быть поздно.

- Как-нибудь переживу.

Робин поднял оружие и не спеша направился к лагерю. Девушка смотрела ему вслед, в глазах угасла насмешка, сменившись обиженно-растерянным выражением. Слепым, рефлексивным движением она зачерпнула горсть крупного песка, сжала в руке, палец что-то укололо. Очнувшись, она со злобой

швырнула содержимое ладони в воду и, встав, пошла на свет костра.

– Великий, мы нашли место, где цохваны провели ночь... – Голос охотника был почтителен, но сам он не терял достоинства.

– Как твое имя? – спросил Зардрак.

– Меня называют Тукс Длинный Лук.

– Тукс, что ты видел в том месте?

– Цохваны нарвали много веток, сложили их в кучи и спали на них. Они жгли очень большой костер, когда я отыскал это место, угли еще не остыли. Вокруг были обгрызенные кости разных птиц и нагусов. В кустах я нашел кучи кала, и там были странные вещи.

Охотник протянул жрецу что-то похожее на смятую тряпку. Странный материал был почти невесом и шелестел при сгибании. Зардрак понюхал находку, брезгливо скривился от явного запаха дерьма.

– Куда ушли цохваны?

– Великий, они отправились в сторону Большого озера. Я не пошел за ними, мне не было приказано выследить их.

– Тукс, имины нашли это в голове убитого нура. Ты знаешь, что это такое?

Охотник повертел увесистый продолговатый медный конус, внимательно рассмотрел со всех сторон, подбросил в ладони.

– Великий, я видел страшные раны в головах священных нуров. Они будто бы нанесены стрелами, хотя только проклятый цохван сможет пронзить могучую голову лесного стража. Но это не похоже на оставленный наконечник, такую вещь трудно прикрепить к древку. И медь здесь только сверху, внутри что-то другое, оно тяжелее сотума или меркита. Я не знаю, что это такое.

Зардрак задумчиво покачал головой. Слова Тукса подтверждали его выводы. Обернувшись, он в очередной раз окинул взглядом место кровавой битвы. Десятки поселян стаскивали тела к возводимой пирамиде погребального костра, на многих лицах застыл страх, большинство ни разу не видели такого количества трупов, а уж мертвые нуры могли напугать любого крестьянина.

– Тукс, ты сам вызвался идти по следу, оставил других охотников. Почему?

– Великий, я один из лучших следопытов Вертины. В лесу от меня не спрячется даже блас. Как ни страшны цохваны, я всегда увижу их раньше и не дам заметить себя. Другие охотники не столь искусны и могли бы меня выдать своим шумом.

– Я вижу, тебя не пугает это ужасное место. Ты уже воевал?

– Великий, я участвовал во многих битвах, а два года назад был в рядах вашего войска в долине Костей. Там погибло четырежды вдесятеро больше людей и семь священных нуров. Меня не напугать холодными трупами.

– Тукс, ты мне понравился. Я дам тебе важное задание, и если ты выполнишь его хорошо, то будешь возвышен и награжден. Неотложные дела требуют моего присутствия в Заоблачном храме. Я не могу здесь больше оставаться. Ты должен выследить убийц, узнать о них как можно больше. У меня есть большое подозрение, что это просто разведчики от еретиков с побережья, цохваны так никогда не действуют. Следи за ними до самого полнолуния, затем иди к Заоблачному храму, найди там меня. Вот, возьми это кольцо, тебя пропустит стража на перевале, а любой атон или имин окажет помощь.

– Великий, прости мне мою дерзость, но разве мы не станем преследовать цохванов? Они двигаются медленно, их несложно догнать. Ведь здесь собрана немалая сила – более сотни поселян. Среди них много охотников, есть бывшие воины, а цохванов совсем мало.

– Тукс, твой вопрос меня сильно разочаровал. Взгляни, – Зардрак обвел рукой место побоища, – неведомые враги убили всех этих людей с великой легкостью. Они не потеряли ни одного своего. Нет, с ними не справиться столь малыми силами, а поражение такого большого отряда посеет панику во всех окрестных селениях. Потому ты и должен узнать о врагах как можно больше. Известный

противник – это уязвимый противник.

Глава 8

Двенадцать дней маленький отряд спускался по реке. Движение все более замедлялось – мешали многочисленные овраги, поросшие густым кустарником, временами путники начинали петлять в лабиринте пойменных озер, с трудом находя путь среди стариц. Очень часто встречались следы бывшего великолепия этого пустынного края. Земляне пересекали заросшие поля и дороги, пожарища, оставленные на месте больших селений, лесные вырубki. Однажды видели величественные руины древнего храма с довольно заметными следами копати на уцелевших стенах. Всех потрясли остатки двух великолепных барельефов, изображавших драконов, летевших навстречу друг другу. Качество работы было изумительным, это был настоящий шедевр. Все указывало на былое многолюдье этих пустынных земель, где сейчас остались только редкие маленькие деревеньки.

Стычек с аборигенами больше не происходило, но пару раз пришлось отбиваться от агрессивно настроенных существ, похожих на черных бультерьеров. Местные называли их магиры, держались они небольшими стаями до десяти особей. К счастью, храбростью эти хищники не отличались и, встречая отпор, удирали на поиски более доступной добычи. Однажды всех здорово напугала огромная серая кошка размером покрупнее леопарда и с клыками, достойными саблезубого тигра. Хищница деловито занималась разделкой оленьей туши, на людей совершенно не соблазнилась, только коротко рявкнула, заставив обойти ее десятой дорогой. С продовольствием у путников проблем не было, но однообразная дичь уже приелась, поэтому все очень обрадовались, когда наткнулись на рощицу местных плодовых деревьев. Земляне прозвали их каштанами, пленницы говорили – тубы. Запеченные в углях, мучнистые плоды были весьма недурны на вкус, и обед, устроенный на большой поляне, вышел отменным.

– Вот зараза! – выругался огорченный Петрович, едва надкусив лакомство. – Уже вторая коронка отвалилась, скоро нечем жевать будет.

Подобные проблемы были почти у всех. Люди каждый день теряли пломбы, протезы, коронки, сыпались мертвые зубы. Никто не понимал, в чем дело, то ли виновата местная вода, то ли еще что-то. Это здорово портило настроение, стоматологических клиник здесь не было. Пленницы ничего не могли объяснить по этому поводу, но сами щеголяли великолепными белыми зубами. Впрочем, егерь не очень расстроился и продолжил уплетать лакомство другой половиной челюсти.

- Эх, хлебца бы еще, хоть кусочек! - мечтательно протянул он.

- И сто грамм с огурчиком! - добавил Густав. - Не могли эти проклятые пришельцы пару пузырей в рюкзак кинуть.

- И чтоб не водяры, а спирту, он меньше места занимает, - согласно поддакнул егерь и, осекшись, с изумлением глянул куда-то за спину Робина.

Тот, увидев, как вытягиваются лица остальных товарищей, с удивлением подумал, что егерь первый раз оплошал. До этого он всегда заранее узнавал о приближении разных сюрпризов, и путешественники успевали подготовиться. Затем Робин обернулся и потрясенно замер. Из леса выходил единорог.

Сказать, что он походил на белую лошадь с рогом, было неслыханным оскорблением. Он был столь великолепен, что казался чудом, неуместным под светом солнца. Одно его присутствие заставило поблекнуть все краски дня вокруг, казалось, что даже ветер стал тише, будто боялся испугать это сказочное видение. Робин вздрогнул, услышав звонкий девичий смех. Радостная Сата подбежала к единорогу, без страха провела по мерцающему рогу, тот доверчиво склонил голову к ее груди, позволяя обнять голову. Девушка вновь рассмеялась.

- Какая прелесть! - потрясенно воскликнула Лена, встала, пошла вперед, заморожено вытягивая руки.

Единорог дернулся, поднял голову, яростно сверкнул глазом, ударил копытом, угрожающе заржал.

- Нет! - крикнула Сата. - Тебе нельзя! Он не хочет!

Раздражение единорога вывело Робина из оцепенения. Он поднялся, повернулся к Аните, странно помялся и, склонившись к ней, тихо спросил:

- Не обижайся, но я должен задать тебе неприятный личный вопрос, и мне нужен правдивый ответ. Скажи, у тебя были мужчины?

Златовласка вспыхнула маковым цветом, бросила на Робина возмущенный взгляд, но, увидев в его глазах только настойчивое ожидание ответа, потупила взор и отрицательно качнула головой.

- Попробуй подойти к нему, не бойся, он не обидит девственницу.

Анита медленно подошла к единорогу, нерешительно провела ладонью по длинным прядям серебристой гривы. Тот повел шеей, положил голову на девичье плечо. Она восторженно засмеялась. И тут единорог посмотрел Робину в глаза.

Тот потрясенно дернулся и медленно, как лунатик, пошел вперед, слепо вытянул руку, положил на белую голову... Мир исчез, остались только Робин и Зверь.

- Я буду звать тебя Ромфаниум.

- Да, Робин, здесь есть имена.

- Так звали единорога в моих снах.

- Это я был в твоих снах, я приходил к тебе, давно, в детстве. Я рад, что ты не забыл меня, когда вырос.

- Но как же это может быть! Кто ты?

- Я простая детская игрушка.

- Ты чудо! Ты просто ожившая сказка! Что нас с тобой связывает?

- Ничего, все мы свободны, но все должны делать то, что должны.

- Странно, но ты подпустил меня к себе. Ведь в сказках говорится, что вы позволяете это только девственницам.

- Сказки говорят не всю правду. Подойти к нам может любой человек. А вообще, нас привлекает чистота. Счастливая мать десятерых детей может быть неизмеримо чище престарелой монахини, всю жизнь борющейся с соблазнами мира, страшно завидуя тем, кто их не отвергает, и никогда не зная счастья.

- А почему ты не подпустил Елену?

- Робин, иногда даже мне надо заботиться о поддержании своей репутации.

- Ромфаниум, ты знаешь, как я сюда попал?

- Конечно. Тебя забрали хваталы.

- Кто?

- Они называют это место Запретным Миром и очень его боятся. Но жадность их еще больше, чем страх, и они все время пытаются что-нибудь схватить отсюда. Поэтому я называю их хваталы. В их понимании вы простые рыболовные крючки. Смешно. Они даже не понимают, что на этот раз крючок зацепил их самих.

- Ромфаниум, я тебя плохо понимаю.

- Прости, Робин, мне не под силу сказать понятнее. Я всего лишь простая детская игрушка, а дети общаются на другом языке. Я говорил с тобой, когда ты был ребенком. Но память взрослого чудна. Ты ничего не помнишь.

- Нет. Я помню. Тебя.

- Конечно. В тебе просто осталась частица ребенка, она будет с тобой всю жизнь. Я это знаю.

– Зачем ты пришел? Откуда ты здесь, ведь я думал, что вы сказочные персонажи? Я чувствую, что ты нуждаешься во мне, но как это может быть?

– Робин, мы простые игрушки, мы не воины. Но нас истребляют. Нас изгнали из Первого Леса, а без его дыхания пропадает наша сила. Но не это главное, только в Первом Лесу у нас может появляться потомство, а сейчас это очень необходимо. Осталось мало времени, скоро появится Ребенок, и ему грустно будет без своих игрушек. Эту боль тебе не понять, ты слишком взрослый.

– Но чем я могу помочь? Я один, у меня здесь всего несколько товарищей, а ваши враги наверняка очень сильны.

– Робин, твоя сила намного больше, и у тебя есть исса. Ты сможешь их победить. Не сейчас, может, и не через год, однако ты это сделаешь. Я верю в тебя. Это такой экзамен, но твои экзаменаторы знают не только свои вопросы, но и твои ответы.

– Я помогу тебе. Всем, чем смогу. Обещаю.

– Я знаю. Мне пора уходить. Время здесь течет по-другому, но твои товарищи вот-вот начнут волноваться, ведь ты сейчас замер на месте и, не отрываясь, смотришь в мои глаза.

– Ты вернешься?

– Конечно! Я буду с тобой всегда. Мне надо собрать всех своих уцелевших друзей, потом я найду тебя у рохо. Вы уже рядом с ним, остался день пути. До свидания Робин, я буду скучать по тебе!

– До свидания, Ромфаниум. Пожалуйста, возвращайся скорее!

Робин стоял на опушке и смотрел вслед уходящему единорогу. На глазах выступила предательская слеза, но он улыбался. Только что сказка детских снов обернулась былью и пообещала вернуться навсегда. В последний раз среди деревьев мелькнуло серебро... Смахнув слезу, Робин развернулся и пошел навстречу товарищам. Торжественную тишину трогательного момента опошлил

Хонда:

- Робин, а я и не знал, что ты девственница!

Вечером, отведя Сату для занятий языком, Робин попытался расспросить ее о произошедшем накануне:

- Сата, ты видела до этого единорога?

- Нет. Его звать у нас зелми. Их мало в нашем лесу. Он пускать к себе только эйко. Если эйко потрогает рог зелми, у нее быть хороший мужчина! - Девушка смущенно зарделась.

- Понятно. А ты знаешь, что такое Первый Лес?

- Может Айтэг Бланориз? Мне трудно сказать, мало слов. Деревья в Айтэг Бланоризе больше гор. Там темно днем. Там айсо.

- Похоже, я там был. Что такое айсо?

- Я не знать, как правильно говорить. Если солнце встать с другой сторона, если мертвый снова жить, если гореть вода - это айсо. Робин, ты понимаешь?

- Пожалуй, да. А кто прогнал единорогов из Первого Леса?

- Это быть атоны. Они опуститься с гор, привести нур. Нур брать сила Айтэг Бланориза, сами стать очень сильный. Атон сказать, что они есть хранить правда из Сердце Мира. Наши риумы сражаться, но не победить. Много нур, много атон и чужих имин.

- Значит, риумы против атонов? Как их найти?

Сата посмотрела со странной грустью, печально вздохнула:

- Я риум.

- Интересно! Значит, в твоей деревне обитали риумы?

Девушка опять вздохнула:

- Нет. Я совсем одна. Я раньше быть с риумами, мои родители быть риумы. На нас идти атоны, мы хотеть бежать. Была большой битва, там гибнуть много риумов, меня забрать атоны, отдать в деревню. Там я делать, что мне приказать, собирать вкусный эмо, следить за растения, делать опасный работа.

- Тебя взяли в плен и заставляли работать?

- Да. Меня хотеть убить на праздник всех звезд, но вы нападать на деревня. Младший азат испугаться, он отдать вам я, думать, что вы есть вкусный мясо эйко и больше не трогать деревня.

- Так ты думала, что мы тебя съедим? Я же не стал тебя забирать с собой, оставил в деревне. Почему ты пошла с нами?

- Я подумать, что если остаться, то меня убить на праздник всех звезд. Пойти с вами - вы меня саотюн и съесть. Но зато я не попадать к атонам, не радовать их праздник.

Робин взглянул на девушку с невольным уважением и подумал, что в ней открываются все более интересные черты характера. Это хрупкое, пугливое создание, оказывается, способно на еще более героические поступки, чем спасение своих похитителей-цохванов. Сата предпочла быть изнасилованной и съеденной страшными демонами, лишь бы не попасть на праздник врагов в качестве жертвы.

Тукс Длинный Лук стоял посреди пепелища. Весь вид охотника выдавал сосредоточенную работу мысли. Он уже выяснил, что след не пропал, просто ненадолго изменил направление. Его волновало совсем не это. Жизнь Тукса была полна приключений, и подобные пепелища он встречал не один раз. Но это было совсем свежим и явно связано с преследуемыми цохванами, не зря они здесь столь резко свернули от реки. Сперва Тукс подумал, что это погиб кто-то из преследуемых, но, изучив следы, понял, это не так, все они продолжили путь.

Возможно, они повстречали цохвана, который не оставляет следов, и он тут же с грохотом сгорел. Но охотник мало верил в такое невероятное совпадение.

Самый простой ответ – пепелище устроили те же странные цохваны. Их мощь ужаснула даже бесстрашного охотника, ни с чем подобным ему сталкиваться еще не приходилось. В голове шевелилась крамольная мысль – вернуться назад, доложить, что цохваны сгорели в огненной вспышке. Но против этого восставала гордость Тукса. Втайне он считал себя лучшим охотником, а лучшему охотнику стыдно опускаться до трусливого обмана. Отбросив постыдные сомнения, Тукс шагнул вперед.

Глава 9

– Робин, рохо совсем близко. Там!

– Сата, ты уверена?

– Да. Я помню слова, что говорить наши люди. За этот красный камень стоять холм, там рохо.

Робин посмотрел на гранитную скалу, вздымающуюся из лесной зелени. За ней действительно поднимался пологий склон, увенчанный грядой высоких скал. Подробности с такого расстояния рассмотреть было невозможно, но девчонке он вполне доверял.

– А где здесь озеро?

– За холм. Там быть остров из песка, на него приходят большие лодки людей из соленой воды. Они привозят хорошую одежду, сладкое белое, розовая вода, от которой весело. Очень много хороших вещей. Люди приносят им разный мех, эму, красивый камень, как на мече Аниты и в ушах Лены.

– Эти люди, из соленой воды или моря, они туда часто приходят?

– Нет. Два раза за один год. После зимы и после лета.

– Смотри, там, на холме, где устройство связи, поднимается дым. Кто там живет?

– Робин, я не знаю. Здесь никто не жить, а до осени долго. В это время здесь совсем нет людей. Может, это хафиды?

– Может. Знать бы еще, кто это такие.

– Там, за Большое озеро, из него течь река. По ней ходить большие лодки. На левый берег много болот, они тянутся до соленой воды. В болотах жить хафиды. Они страшный, одевать шкуры и шлемы из мертвых голова. Они есть людей. Они нападать на большие лодки, сами ходить на лодках, нападать на деревни. Хватать вещи, женщины, убивать мужчин. Все боятся хафидов и не хотеть жить здесь.

– Все с ними понятно. Веселые ребята. Все слышали?

– Чай не глухие, – отозвался Петрович, – значит, там может засесть разбойная ватажка.

– Не знаю, но кто-то же развел этот огонь.

– Давай-ка я туды сбегая по-тихому. Гляну, че там за пионеры.

– Давай. Только осторожнее. Мы пока здесь расположимся.

Все с радостью попадали, где стояли. Двухнедельный поход порядком натрудил ноги, да и последний переход был тяжелым, все здорово вымотались. Робин с безмятежным видом точил меч, но вид его был обманчив, командир старался не волновать своих людей. Если там действительно окажутся хафиды, это здорово усложнит ситуацию. Они наверняка более искусные воины, чем мирные поселяне, связываться с ними совершенно не хотелось. Люди были вымотаны после долгой дороги, патронов очень мало. Всю дорогу Робин проводил занятия, учил всех стрелять из трофейных луков, но за две недели сделать хороших стрелков невозможно. Да и луки эти были не подарок, слабые, с грубой жильной тетивой, стрелы и того хуже. Мечи успели заточить до вполне сносного состояния, и в рукопашной отряд мог нанести врагу огромные потери. Но сражаться не хотелось, серьезная схватка их ослабит, появятся раненые, а то и

убитые.

Невеселые размышления прервал близкий девичий визг. Робин видел, что в ту сторону в кусты заходила Анита. Он вскочил, бросился в заросли, на ходу успел крикнуть остальным:

– Всем стоять, я сам! Натяните луки, приготовьтесь к нападению. Мавр, ты будешь за главного! Хонда, за мной.

Визг затих, но явственно слышались звуки схватки, треск веток, впереди кто-то грязно выругался. Робин рыбкой прыгнул в кусты, пробивая их своим телом, перекатился через плечо, вскочил, распрямившись стальной пружиной. Два мордоворота, тащившие упирающуюся Аниту, опешили от такой прыти, замешкались. Свистнул меч, в последний миг Робин понял, что перед ним земляне, повернул лезвие, плашмя ударив в голову первого. Второй отскочил, выхватил нож, крутанул в руке, хищно оскалился и шипящим голосом угрожающе пообещал:

– Попишу!

Возникший за его спиной Хонда церемониться не стал, оглушил рукояткой меча и успел подхватить нож, прежде чем противник упал на землю. Освобожденная Анита мстительно добавила ему по ребрам каблуком и, оправдываясь, воскликнула:

– Слышали бы вы, что он говорил!

– Так ты с ними еще и разговаривала? – удивился Хонда.

– Нет, только песни пела! Я в кусты зашла, сами понимаете для чего, а эти сволочи тут сидели, за нами следили. Они сразу очень вежливо поздоровались, я уши развесила, тут на меня и накинулись. Этот гаденыш мне рот заткнул и подробно объяснил, что со мной собирается сделать, а заодно и то, что со мной произойдет, если я буду сопротивляться. Что интересно, оба варианта были совершенно одинаковы.

– Как же ты крикнуть успела?

– Да ничего сложного. Сделала глупые глаза, похлопала ресницами и неожиданно укусила его за ладонь. Тьфу, гадость какая, он руки, похоже, с позапрошлого века не мыл.

– Эй, Ахмед! Иди сюда, надо помочь небольшой груз перекантовать.

Связанные пленники яростно хлопали глазами, сидя перед всем честным народом. Оба были весьма крепкого телосложения, носили строгую одежду, в основном из черной кожи, на рукавах курток краснели странные эмблемы с изображением причудливо перевитых колосьев пшеницы, обвивающих буквы НСИРМ. Прически ребяташек были практически нулевые, а возраст около двадцати лет. Они были похожи, как близнецы. У пленных обнаружили немало довольно интересных предметов: два охотничьих ножа, шипастый кастет, текстолитовые нунчаки. Робин подумал, что эти ребята явно не из простых обывателей, что подтверждало его прежние логические выводы.

– И кто же вы такие, милые дети? – поинтересовался он.

Пленники сердито засопели, но не откликнулись. Робина это совсем не обескуражило:

– Будем играть в плененную Зою Космодемьянскую? Валяйте, я не против. Но только помните, она довольно плохо кончила.

– Вах, Робин, дай я с ними гаварить. Только убери всэ девушка, им нэльзя сматрэть.

Покосившись на джигита с большой опаской, один из пленников зловеще пообещал:

– Только троньте, Борман вас на мелкую лапшу покрошит.

– Ага, информация пошла, – умилился Робин. – Оказывается, есть еще некий Борман.

– И не только. Нас тут сто человек, так что лучше развяжите по-хорошему.

- Да сейчас же, только шнурки поглажу. Я с вами совсем не шутки шучу. У вас есть два варианта взаимоотношений со мной. Первый - вы сейчас с великим энтузиазмом отвечаете на мои вопросы. Второй - я вас отдаю Ахмеду, и вы даете ответы с тем же энтузиазмом, но только чуть позже. Хочу заметить, что второй вариант привлекателен только для фанатичных сторонников мазохизма. Есть среди вас такие? Вижу, что нет. Ну раз так, то для начала давайте познакомимся, как же вас зовут?

- Антон, - нехотя буркнул один.

- Стас, - представился второй.

- Вот и замечательно, я Робин.

- Эй, Робин Гуд, - возмутился Антон, - мы-то правду сказали. Если ты погоняло предъявил, то и я не Антон, а Зондер, а это у нас Крыс.

- Зря не верите, это мое настоящее имя. Но, впрочем, неважно, клички вам действительно больше идут, чем имена. Вы почему нашу красавицу обидели?

- Да ничего мы ей не делали, - пробурчал Зондер. - Так, поугадили немного.

- Не слушай его! - воскликнула Анита. - Ничего они не пугали, слышали бы вы их слова!

- Да мы в плен ее хотели взять, - встрял Крыс. - Отвести в лагерь, узнать, кто вы такие, с чем к нам явились.

- А что, нельзя было просто выйти и спросить?

- А кто вас знает. Может, вы вконец отмороженные, поубивали бы нас без всяких разговоров, тут что в тайге - законов нет.

- Мы вас тоже совсем не знаем, но и не думали никого трогать. Тихо-мирно послали к вашему лагерю своего разведчика, скоро он вернется, расскажет, что там у вас творится.

Узнав про засылку лазутчика, пленники приуныли, стали более разговорчивыми, информация потекла рекой. Выяснилось, что их было около пятидесяти человек. Здесь были самые разные люди, но случайных обывателей практически не встречалось. Спортсмены, охотники, солдаты, бандиты. Большинство с территории России, несколько из северо-западного Казахстана и северных частей Украины. Четыре европейца: финн, два поляка-полицейские, один немец. Власть в лагере удерживала самая большая группировка представителей некоего Национального Союза Истинной Русской Молодежи. Судя по всему, это была очередная фашиствующая шайка, их много развелось в обстановке полного попустительства последних лет. Бравых ребят забрали сюда прямо из загородного тренировочного лагеря, где они занимались вещами, весьма далекими от идей пацифизма. Их набралось более двух десятков человек с несколькими стволами и большим количеством разнообразного холодного оружия. Молодежи здорово повезло, они вышли к устройству связи на третий день после прибытия и с тех пор прочесывали окрестности в поисках других землян. Нескольких охотников они легко разоружили, с группой солдат вышел короткий бой, солдат перебили, но и сами понесли приличные потери. Правда, взяли богатые трофеи, отличное армейское оружие. Оно пригодилось, когда на лагерь напали хафиды. Дикари понесли страшные потери, мало кто из них спасся, но и боеприпасов извели порядочно. Пополнить их запасы не удавалось. По словам пленников, выбор товаров, предлагаемых устройством связи, невелик, это разные бытовые предметы, одежда, небольшое количество инструментов. Патронов и оружия не было совсем.

Дисциплина в их коллективе поддерживалась железная, несогласие с политикой руководства каралось без всякой пощады. В лагере была четкая система исполнения наказаний. За мелкие прегрешения могли увеличить трудовую повинность, более крупные карались палочными ударами, плетьюми либо позатейливее – человека привязывали к кресту, обмазывали дерьмом и оставляли в таком положении на указанное судом время. Местные мухи быстро доводили человека до полубезумного состояния. Крупные преступления против существующего порядка карались смертной казнью – несчастного сажали на кол. Правда, такие страшные приговоры выносились за все время только дважды. Все трудоспособное население целыми днями шастало по окрестностям, собирая нужные травы либо добывая пищу. На все эти виды работ существовали определенные нормы выработки, их невыполнение каралось, а перевыполнение поощрялось. Все сдавалось руководству, только Борман имел право пользоваться устройством связи, он же распределял продовольствие и другие материальные блага. Несколько женщин трудились в лагере на хозяйственных работах. Они были на положении сексуальных рабынь. Те, кто

помоложе или посимпатичнее, обслуживали правящую верхушку и членов НСИРМ. Остальные довольствовались второсортным товаром. Дезертирства практически не было, после нападения хафидов люди поняли, что в одиночку здесь выжить весьма проблематично.

Пленники гарантировали море неприятностей, если их немедленно не отпустят. Они советовали Робину как можно скорее идти в лагерь, на глаза местного фюрера – Бормана. Зондер под конец осмелел настолько, что пообещал всех их взять под свое покровительство и гарантировал самый теплый прием.

– В лагере с бабами большой напряг, а у вас вон их сколько, одна лучше другой. Вы мне только эту козу подгоните сейчас на часок, – хохотнув, он кивнул на Аниту, – а то потом поздно будет, Борман ее точно себе приберет, лялька в его вкусе, мимо такой никто не пройдет.

Возмущенно зашипев, Анита выхватила меч и, заявив, что ей хватит минуты, сделала поползновение расчленивать похотливого фашиста. Едва локализовали конфликт, как показался Петрович. Он с ходу сокрушенно покачал головой и, не обращая внимания на пленников, сокрушенно заявил:

– Люди там, с Земли, но лучше бы местные были. Энто звери какие-то, хуже фашистов!

– Знаем, – кивнул Робин, – у нас тут уже военнопленные появились, очень разговорчивые ребята.

– Да ни фи́га ж вы не знаете! У них там человек на кресте распят, аж мычит бедняга. Ну звери, чисто звери!

– Да поняли мы, вопрос в том, что будем делать дальше. Так уж вышло, что командир у вас я, но это решение мы должны принять вместе. Есть три варианта: первый – мы добровольно приходим к ним в лагерь, сдаем оружие, безоговорочно подчиняемся местным порядкам. Тише, не перебивать, я не все еще сказал! Второй – мы оставляем эту ситуацию как есть, уходим на поиски другого устройства связи. Сата о них не знает, но, согласно книге, они должны быть. Третий вариант – мы остаемся, пытаемся изменить существующий здесь порядок мирным или военным путем. А вот теперь можете высказываться.

- Мирным не выйдет! - Мавр покачал головой.

- Давайте начнем с первого пункта.

- Меня сразу утопите! - попросила Анита. - Я туда ни за что не пойду!

- Но ты же еще не пробовала. Вдруг понравится? - не смог промолчать Хонда.

- Сам пробуй! Тебе точно понравится, по роже видно!

- Тихо вы, здесь вам не балаган.

- Первый пункт сразу выкидывай, даже я против, - предложила Лена. - Хоть мужское внимание мне и приятно, но всему есть некоторые пределы.

- Ладно. Второй вариант. Еще раз уточняю, местоположение других устройств связи нам неизвестно, где их искать - совершенно непонятно. Теоретически мы можем прожить и так, без них. Но вокруг враждебное окружение, нас мало, нет нормальных инструментов, лекарств. Нам даже нечем чинить доспехи в случае любой пустяковой поломки. Здесь же находятся полсотни человек. Очевидно, этот край очень богат землянами, по словам пленных, они приходят сюда до сих пор. Это неудивительно, многие передвигаются вдоль берега озера и рано или поздно выходят к лагерю. Как досадно, что первыми здесь появились эти подонки!

- Я за третий вариант, - непреклонно заявил Мавр. - И не только я.

- Хорошо. Мирный путь маловероятен, остается военный. Членов НСИРМа там около двух десятков, есть и другие их прихлебатели. У них несколько армейских автоматов, ручной пулемет, ружья и пистолеты. Патронов немного, но против нас этого хватит с лихвой. Пуля прошьет доспехи, как бумагу. Бой мы не выдержим ни при каких условиях. Это не глупое голливудское кино, это жизнь, безрассудную смелость она жестоко наказывает. Мы можем предъявить врагу только изнуряющую партизанскую тактику, стараясь не подставиться под прямое столкновение.

– Можно переманивать людей, собирающих травы, – предложил Густав. – Многие перейдут к нам с большим удовольствием.

– Это не слишком нас усилит, им не дадут огнестрельное оружие, но идею можно учесть при планировании конкретных действий.

– Ребята, можно все-таки попробовать договориться, – сказала Лена. – Если не получится, будем воевать.

– Ладно, не будем тянуть резину, а то проболтаем до темноты. Давайте высказываться по порядку. Петрович?

– Да как их земля-то носит! Драть их надо, как сидорову козу!

– Ясно. Мавр?

– Третий вариант, – лаконично ответил негр.

– Векша?

– Тоже.

– Густав?

– Я за максимально силовое решение вопроса.

– Пересвет?

Великан молча улыбнулся, щелкнул ногтем по лезвию секиры.

– Ахмед?

– Я их папа имел, я их дэдушка...

– Хонда?

– Я помогал Ахмеду в этом интимном деянии, держал свечку и, кроме того...

– Угомонись. Анита?

– Если они все такие, как эта парочка, то я с огромной радостью выпущу стрелу в любого из них. И хочу заметить, что двух пленных прокормить гораздо тяжелее, чем одного. А если мне хоть на минуту отдать Зондера, то я с большой охотой...

– Понятно. Тевтон?

– Крестоносца битвой не напугать. Мне не интересно, сколько их, я спрашиваю – где они? Только третий вариант, главное – в бой ввязаться, а там видно будет.

– Игорь?

– Толку с меня совсем немного, но я за третий вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/artem-kamenistyj/zapretnyy-mir>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)